

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОМТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

и Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 Сентября.

СОДЕРЖАНІЕ: Незавидное настоящее. Новое начинаніе.—Китайскій театръ VI. (Окончаніе) Ник. Неурева. Сцена и безпутство. Вл. Линскаго.—Мюнхенская художественная выставка. О. Гансона.—Хроника театра и искусства — Письма въ редакцію. — Изъ Москвы. Старика.—Великій магъ Петръ Абанось. Р. Гарета. —Провинціальная лѣтопись — Объявленія.

№ 38.

Рисунки: Китайскіе актеры, Въ циркѣ, Кружокъ любителей въ г. Павловскѣ, А. В. Сухова-Кобылинъ на репетиціи (набр. Юса Большаго), Ключи музыкальной критики (2 рис. О. Добролюбова), Дѣло вновѣ. Портреты: А. В. Сухова-Кобылина, г-жѣ Трефиловой, Зихекли и Меллини, г. Бекъ. Приложеніе: «Преступленіе и Наказаніе», Я. А. Дельгера.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1900 годъ.

Полгода (съ 1 іюля) 4 руб., годъ — 6 руб.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшія №№.

За перемѣну адреса петербургскаго на иногородній и обратно взимается 60 коп., иногородняго же на иногородній 25 коп. Можно присылать почтовыми марками. Необходимо прилагать старыя вандероли, или помѣчать ихъ №№.

С.-Петербургъ, 17 Сентября.

Предстоящій, или вѣрнѣе, уже начавшійся зимній сезонъ сложился весьма неблагопріятно для драматическаго театра. Тринадцать городовъ (какая роковая цифра!), въ которыхъ искони была драма, перешли подъ оперетку, благодаря чему много драматическихъ актеровъ осталось безъ мѣста и безъ надежды пристроиться хоть куда-нибудь на зиму.

Все это лишній разъ подтверждаетъ неоднократно высказанное у насъ мнѣніе, что интересъ къ драмѣ, этой наиболѣе совершенной формѣ театральнаго искусства, падаетъ. И на причину этого явленія мы тоже своевременно указывали. Сценическое искусство всегда развивалось подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ идей, которыя господствовали въ обществѣ и литературѣ. Росло общество, росъ въ

художественномъ отношеніи и театръ. И даже болѣе того: театръ былъ всегда впереди общества, ибо физиологическій, такъ сказать, ростъ послѣдняго отставалъ отъ идейнаго. Зритель шелъ въ театръ съ трепетомъ, ибо имъ руководила святая жажда наслажденій, которыя человѣкъ ощущаетъ при созерцаніи истинно высокаго и прекраснаго. Театръ былъ храмомъ, въ который шли поучаться и молиться, и въ который влекла «невѣдомая сила» идеала.

Русское общество за послѣдніе 25 — 40 лѣтъ умственно выросло. Многое изъ того, что прежде его интересовало, теперь сдано въ архивъ. Взгляните кругомъ: вездѣ новыя книги, новыя слова, новыя учрежденія и — главное — новые люди. Все выросло, все измѣнилось. Измѣнились и требованія, предъявляемыя обществомъ къ жизни. И только театръ остался прежнимъ или, въ лучшемъ случаѣ, мало обновленнымъ. А театръ — это то, что Ап. Григорьевъ называлъ «разцвѣтеною жизнью».

Отсюда произошло то, что старый храмъ, когда-то сіявшій вѣчной красотой, такъ близокъ къ паденію.

У Ант. Чехова есть разсказъ «Скучная исторія». Одинъ изъ героевъ этого разсказа, извѣстный профессоръ, такъ отзывается о театрѣ: «Сантиментальную и довѣрчивую толпу можно убѣдить въ томъ, что театръ, въ настоящемъ его видѣ, есть школа. Но кто знакомъ со школой, въ истинномъ ея смыслѣ, того на эту удочку не поймаетъ. Не знаю, что будетъ черезъ 50 — 100 лѣтъ, но, при настоящихъ условіяхъ, театръ можетъ служить только развлеченіемъ, но развлеченіе это слишкомъ дорого для того, чтобы продолжать пользоваться имъ». И въ самомъ дѣлѣ: какая же это школа, разъ она ничему не поучаетъ? Какая-же это школа, разъ съ

каедры слышишь только то, что уже хорошо знаешь? Какая-же, наконецъ, это школа, разъ каедру занимаютъ лица часто менѣ развитыя, чѣмъ тѣ, которыхъ они собираются поучать?.. Конспектъ какой-либо книги новаго ничего не скажетъ тому читателю, который уже имѣлъ возможность прочитать самую книгу.

Театръ только тогда способенъ заинтересовать публику, когда онъ—самъ по себѣ—выше ея художественнаго и умственного уровня.

Между тѣмъ, изъ современнаго театра интеллигентная публика, за малымъ исключеніемъ, ничего не выноситъ, кромѣ скуки. И виноваты въ этомъ сами актеры, полагающіе, что для того, чтобы стать актеромъ—достаточно выйти на сцену и сыграть роль такъ, какъ Богъ на душу положитъ. «Нутро» было еще терпимо въ старомъ репертуарѣ, гдѣ всѣ страсти выражались рѣзко и рельефно: коли ты злодѣй, такъ злодѣйствуй безъ конца, коли наивность, такъ и наивничай весь вечеръ. Но теперь, увы, на «нутрѣ» далеко не уѣдешь. Теперь требуется создать что-либо, что-то такое освѣтить во тьмѣ духа и что-то объяснить въ неопредѣленныхъ настроеніяхъ. Что-же новаго можетъ дать образованному вышколенному зрителю необразованный и невышколенный актеръ?

Все это, однако, длинная исторія, къ которой мы еще не разъ вернемся, а пока нужда вопіетъ и жалуется.

Среди практическихъ мѣръ, о которыхъ возникала рѣчь въ театральныхъ кружкахъ, — наиболѣе серьезно и пригодною намъ кажется проектъ организаціи изъ свободныхъ актеровъ товариществъ для постановки спектаклей въ небольшихъ городахъ, не имѣющихъ постоянной труппы. Средства для обзаведенія могло бы, разумѣется, дать Театральное Общество. Но гдѣ тѣ люди, которымъ съ полнымъ спокойствіемъ можно вручить судьбу этихъ товариществъ? Немудрено дать деньги. Гораздо труднѣе дать фирму.

«Людей нѣтъ» — вотъ резюме всего положенія. Людей нѣтъ, потому что для того, чтобы стать актеромъ, достаточно сбрить усы, а послушать г. Селиванова, такъ этого достаточно даже для того, чтобы носить званіе члена союза сценическихъ дѣятелей. Людей нѣтъ,—и нѣтъ театра. Людей нѣтъ, и даже капиталъ, который есть не болѣе, какъ «прилагательное» человѣка, лежитъ безъ движенія.

Мысль объ устройствѣ общества драматическихъ писателей при Театральномъ Обществѣ, кажется, начинаетъ переходить понемногу изъ области гадательныхъ мечтаній въ дѣйствительность. Опытъ двухъ авторовъ, предоставившихъ охрану своихъ правъ Театральному Обществу является первымъ шагомъ въ этомъ направленіи и укажетъ ближайшимъ образомъ на основанія будущей организаціи. Контроль за поступленіями едва-ли можетъ быть обременителенъ для Театральнаго Общества, располагающаго въ настоящее время значительнымъ числомъ агентовъ, и стремящагося имѣть такого агента въ каждомъ уѣздномъ городѣ. Въ Петербургѣ и Москвѣ обязанности агентовъ могутъ исполнять канцелярія Совѣта и московское Бюро. Что же касается добросовѣстности при расчетахъ и веденію дѣлопроизводства, то, во всякомъ случаѣ, Театральное Общество представляетъ не менѣе гарантій, чѣмъ московское общество драматическихъ писателей, лишившее, кстати сказать, петербургскихъ авторовъ всякой возможности контро-

лировать правильность выдачъ по афишамъ. Какъ извѣстно, афиши, хранившіяся въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, по особому ходатайству почтеннаго правленія Общества, пересылаются въ Москву, въ канцелярію Общества, и если допустить, на примѣръ, какую-нибудь недобросовѣстность служащаго — чего, впрочемъ, нельзя допустить и что было бы самой черной неблагодарностью со стороны лицъ, получающихъ такіе оклады — то нѣтъ даже нейтральнаго и независимаго учреждения, сохраняющаго дубликаты документовъ.

Какъ мы слышали, нѣскольکو авторовъ заявили уже принципиальное согласіе предоставить Театральному Обществу охрану своихъ правъ, на тѣхъ же условіяхъ вычета, что и въ Обществѣ драматическихъ писателей. Но, вѣроятно, Театральное Общество удовольствуется меньшимъ процентомъ вычета — примѣрно 150/100 съ оригинальныхъ и 250/100 съ переводныхъ пьесъ и передѣлокъ. Чѣмъ больше прикнѣтъ авторовъ, тѣмъ, само собою, удешевятся расходы по взысканію авторскаго гонора. Загѣмъ, когда число авторовъ достигнетъ значительной цифры, возможно и своевременно будетъ возбудить ходатайство объ учрежденіи новаго общества драматическихъ писателей при Театральномъ Обществѣ, и положить конецъ монополіи, халатности, дороговизнѣ и, наконецъ, просто нецѣлности порядковъ московскаго Общества.

Г. Шпажинскій, несмѣяемый, несмотря на петербургскую оппозицію, предсѣдатель общества драматическихъ писателей, написалъ, какъ слышно, пьесу «Предѣлъ». Не предѣлъ-ли, въ самомъ дѣлѣ? Не символъ-ли новаго будущаго подсказанъ этимъ заглавіемъ?

Отъ редакціи.

Слѣдующимъ приложеніемъ будетъ новая комедія
А. Н. Федорова „БУРЕЛОМЪ“.

Въ пьесу «Преступленіе и Наказаніе» вкралась типографская погрѣшность, замѣченная уже по отпечатаніи. Послѣ 48 страницъ, нумерація страницъ неправильная: *около 49 страницъ, поставлена 65.* Должно же считать съ 49 стр. до конца.

Всего страницъ въ пьесѣ 66.

Китайскій театръ.

VI.

Женщина въ Китаѣ играетъ, безъ сомнѣнія, гораздо меньшую роль, чѣмъ въ культурныхъ странахъ Запада, однако, все же больше, нежели магометанскихъ странъ. Моногамія есть первое и необходимое условіе развитія женской личности. Въ Китаѣ нѣтъ многоженства въ мусульманскомъ смыслѣ, какъ нѣтъ, впрочемъ, и единобрачія, въ нашемъ смыслѣ. Но есть нѣчто среднее, подобное, до извѣстной степени, строю библейской семьи. Конкубината допущается рядомъ съ бракомъ. Личность женщины, поэтому, хотя и умалывается, однако, не сводится совершенно на степень безропотнаго „орудія наслажденій“. Извѣстныя коллизіи между женщинами въ семейной жизни вполне возможны. Раздоръ женъ въ мусульманской семьѣ не можетъ возвыситься до драматизма, ибо не имѣетъ опоры въ нравственномъ сознаніи или въ чувствѣ права. Случаются ссоры

женъ, но не драматическія столкновенія. Въ стрѣже конкубината мыслимы драматическія столкновенія, ибо на сторонѣ жены—право и нравственная поддержка общества. Двѣ женщины, подъ одной крышей—жена и паложница—изъ которыхъ на сторонѣ одной законъ и обычай, на сторонѣ же другой—болѣе пылкія чувства влюбленности, должны неизбѣжно дать матеріалъ драматическимъ сценамъ, хотя, разумѣется, не въ такой острой степени, какъ у насъ. „Разнообразіе помогаетъ любви“, гласитъ одна изъ китайскихъ книгъ. А китайскія книги—священныя книги.

Какъ общее правило, любовница на подмосткахъ китайскаго театра является интриганкою, вносящею въ семью беспорядокъ и гибель, и стремящеюся—что, впрочемъ, вполне естественно—развести мужа съ женою. Приведемъ для характеристики этого рода сценическихъ произведеній содержаніе одной пьесы.

Героиня является честной буржуа, человекъ простой и мирный. Его очаровываетъ—разумѣется, въ китайскомъ смыслѣ—молодая дѣвушка, „коварная какъ волна“, по китайскому выраженію.—Это дѣвица китайскаго „полу-свѣта“, что, впрочемъ, совершенно извѣстно и Ли, злополучному герою этой драмы. Тшангъ-Ю—красавица: у нея такія маленькія, т.-е. изуродованныя ножки, что она едва въ состояніи на нихъ держаться безъ опоры, цвѣтъ лица-же ея „можетъ вызвать ревность весеннихъ розъ“. У Ли двое дѣтей отъ законной жены, — обстоятельство, впрочемъ, не препятствующее открытому канкубинату. Ли такъ прямо и заявляетъ женѣ, что онъ беретъ въ домъ вторую жену. Жена, разумѣется, противится, приводитъ разные резоны, предостерегаетъ, но это ни къ чему не ведетъ.

Въ одинъ прекрасный день Тшангъ-Ю водворяется въ покояхъ, и согласно китайскому церемониалу, назначается часъ для „официальнаго“ представленія наложницы законной женѣ.

Тшангъ-Ю (на порогѣ). *Ли*! Господинъ *Ли*! Что у васъ уши заложило? Битый часъ, какъ я васъ зову. Я собираюсь привѣтствовать вашу законную жену, и сдѣлаю, какъ водится, четыре поклона: она должна принять первый поклонъ, подняться съ мѣста при второмъ, отвѣтить на третій и на четвертый. Если она сдѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ, тѣмъ лучше; если же нѣтъ,—предупреждаю—я немедленно покидаю домъ.

Ли. Послушай, не нужно пороть горячки. Я сейчасъ поговорю съ женою. Жена! Тшангъ-Ю пришла съ намѣреніемъ принести тебѣ привѣтствіе. Отвѣчай ей, пожалуйста, согласно церемониалу, а иначе—выидеть ссора.

Льеу. Хорошо, я постараюсь все исполнить, во избѣжаніе скандаловъ.

(*Тшангъ-Ю* дѣлаетъ два поклона). *Ли*. Теперь моя законная жена встанетъ въ свою очередь. (*Льеу* сидитъ).

Тшангъ-Ю. Какими чертовскими гвоздями она прибита къ стулу! (*Къ Ли*) Ты чего же смотришь? Жена должна повиноваться мужу...

Ли находится между двухъ огней. Онъ, въ качествѣ мирнаго и добродушнаго китайца, предполагалъ, что все обойдется спокойно: законная жена—одесную, а наложница ошую, какъ и въ книгахъ сказано. Выходитъ-же другое. Тшангъ-Ю оказывается натурою властолюбивою въ такой же мѣрѣ, какъ жена упорствующею совсѣмъ не по-китайски.

Тшангъ-Ю. Я прямо заявляю: если вы любите свою жену, отошлите меня; если вы любите меня, — прогоните ее. Выбирайте.

Ли. Но вѣдь эта женщина дала мнѣ сына и дочь. Какъ же ты хочешь, чтобы я ее бросилъ?

Тшангъ-Ю. А, вотъ какъ! Вы принимаете сторону жены. Ладно. Я ухожу.

Ли. Останься, останься!

Кончается, разумѣется, тѣмъ, что Ли предлагаетъ женѣ разводъ. Но въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Льеу падаетъ тутъ же на мѣстѣ и умираетъ отъ горя и гнѣва. Tout comme chez nous! Разница, пожалуй, лишь въ томъ, что китайскій авторъ занимаетъ эту исторію двухъ соперницъ только однимъ актомъ, остальные же посвящаются болѣе значительнымъ вопросамъ китайской морали, какъ-то нормальному ссудному проценту и обязанностямъ ма-

Китайскіе актеры.

чихи по отношенію къ пасынку. Цѣлую драму посвятить столкновеніямъ женщинъ было-бы недостойно китайскаго ученаго.

Въ pendant къ конкубинѣ, занимающей въ китайскомъ театрѣ амплу интриганки, не лишне, въ цѣляхъ сближенія съ нашимъ театромъ, упомянуть еще объ одномъ женскомъ амплу, напоминающемъ наше—субреткѣ. Китайская субретка это родъ Фигаро въ юбкѣ, живая, хохотунья, соглядатайствующая съ особымъ искусствомъ, немного сводни. Она дѣйствуетъ какъ искусительница, со всѣмъ знаніемъ слабостей женскаго сердца. Китайской субреткѣ особенно много дѣла при китайской „докторессѣ“, ибо въ Китаѣ не мало ученыхъ женщинъ, знающихъ всего Конфуція и Лао-дзи, но тѣмъ не менѣе, не свободныхъ отъ искушеній естества. Вотъ, на примѣръ, маленькая сцена между субреткой и ученой молодой китайкой. Субретка старается вызвать гостюжу въ садъ, куда по ея предположеніямъ въ такую чудную ночь долженъ придти также „готовящійся къ экзаменамъ“ же еще premier китайскаго театра.

Сяо-Манъ (госпожа). Гдѣ ты была, Фанъ-Су? Я жду тебя, чтобы объяснить тебѣ книги.

Фанъ-Су (субретка). Еще учиться! Право, можно бы что-нибудь другое дѣлать въ эту ночь... Какъ хорошо въ саду! Какая нужда изучать эти толстыя книги!

Сяо-Манъ. Конфуцій сказалъ: «въ возрастѣ 15 лѣтъ, я принялся за изученіе». Надо слѣдовать примѣру этого святого

человѣка. Девять священныхъ книгъ дано человѣку, и трижды въ день, согласно завѣту Конфуція, слѣдуетъ приниматься за ихъ изученіе.

Фанъ-Су. Ахъ, какъ пахнутъ персики! Небо-то какое чистое!..

Сяо-Манъ. «Дни и мѣсяцы текутъ, годы насъ не дожидаются!» сказалъ Конфуцій. У тебя есть какая-нибудь особенная причина звать меня въ салъ?

Фанъ-Су. Ничего подобнаго... Хорошо ужъ очень погулять. Матушка ваша спитъ... А если-бы даже она и узнала, я всю вину приму на себя...

Сяо-Манъ. Ну, если такъ, пойдемъ, пожалуй. Только ты за все отвѣчаешь. А я завтра шесть разъ примусь за Конфуція...

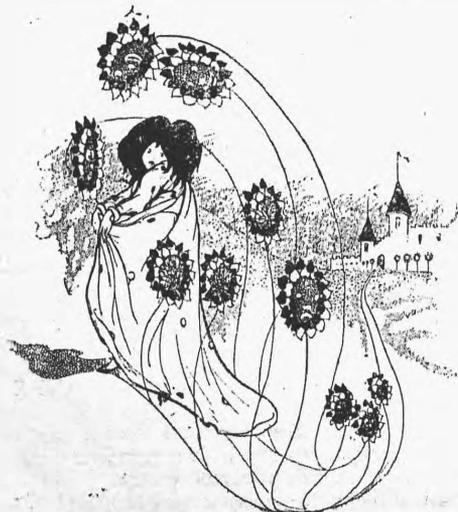
Далѣе слѣдуетъ романическая сцена въ китайскомъ вкусѣ. Молодой ученый играетъ на гитарѣ, и субретка ведетъ такъ ловко дѣло, что Сяо-Манъ сама отсылаетъ ее спать, между тѣмъ, какъ молодая докторесса у порога комнаты китайскаго магистранта бросаетъ ароматическое саше. Онъ по запаху догадается, что его ждуть. Вдвоемъ, въ эту дивную весеннюю ночь, они, вѣроятно, будутъ изучать совместно Конфуція, а можетъ быть, займутся и чѣмъ нибудь инымъ.

Въ другой пьесѣ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, императоръ собирается взять дочь мандарина себѣ въ наложницы. Молодая дѣвушка въ отчаяніи. На помощь является преданная субретка, которая совѣтуетъ своей госпожѣ притвориться сумасшедшей. Является императоръ. Ему представляють дѣвушку, но она разыгрываетъ роль безумной, и огорченный императоръ удаляется.

Мы обзрѣли китайскій репертуаръ въ его главнѣйшихъ мотивахъ. Какъ можно заключить, у китайцевъ богатая драматическая литература, и если нѣкоторые авторы говорятъ о китайскомъ театрѣ съ великимъ пренебреженіемъ, то это объясняется тѣмъ, что они судили по плохимъ театрамъ и плохимъ пьесамъ. Въ Кятаѣ, какъ и вездѣ, чаще играютъ балаганныя пьесы и фарсы, смѣшные до неприличія и неприличные до смѣшнаго, чѣмъ репертуаръ классическій. Китайская драматическая литература отражаетъ вполне китайскую жизнь и строй китайской души. Какъ и вездѣ, театръ въ Китаѣ является и совершеннѣйшимъ зеркаломъ жизни, и вдохновеніемъ души, жаждущей прекраснаго. Неизмѣримо глубоко, въ самыхъ нѣдрахъ безсознательнаго, таится форма театральнаго служенія искусству, и нѣтъ болѣе краснорѣчиваго этому подтвержденія, какъ развитіе китайскаго театра...

Если наши очерки убѣдили въ этомъ читателей, мы полагаемъ нашу задачу исполненной.

Н. Негоревъ.

Сцена и безпутство.

(Парадоксы и впечатлѣнія).

Пять всплылъ вопросъ о „закулисной нравственности“. Это что-то очень неопредѣленное и очень скверное, въ особенностях, когда говорить объ этомъ пошлые люди, въ примѣненіи къ пошлымъ поступкамъ. Однако, всякая среда имѣетъ свои „свычай“ и „обычай“, свою мораль, которая часто оказывается „по ту сторону добра и зла“ другой, сосѣдней морали. Ницше нужно было написать теорію „сверхчеловѣка“, чтобы разбить оковы условной морали. Проще—теорія индивидуальнаго человѣка или социальнаго группы человѣчества.

„Человѣкъ самъ себѣ судья“—такова теорія моднаго ницшеанства. Но если онъ дрянной человѣкъ—у него будутъ дрянныя судебныя приговоры. Если онъ человѣкъ подкупный—его судъ будетъ судомъ Шемякинскимъ; если лицемѣрный—въ его вердиктахъ не будетъ ни искренняго осужденія, ни искренняго оправданія. „Absolve me“, скажетъ онъ, а самъ будетъ чувствовать, что вретъ.

Но кромѣ свободнаго суда человѣка надъ собой, есть еще цѣлая группа объективныхъ данныхъ, опредѣляющихъ его темпераментъ и характеръ. Обо всемъ этомъ кое-какія мысли пришли мнѣ въ голову, когда я думалъ о нравственности артиста. Говори объ артистѣ, разумѣется, я имѣлъ въ виду не знаемыхъ, и только избранныхъ,—во всякомъ случаѣ, не пошляковъ и не опереточныхъ героевъ.

I.

Основнымъ мотивомъ поэзіи и искусствъ всѣхъ вѣковъ и народовъ была любовь къ женщинѣ. Культъ женской красоты занималъ всегда и вездѣ наиболѣе видное мѣсто, и имя женщины съ незапамятныхъ временъ окружалось поэтическимъ ореоломъ, несмотря на то, что у нѣкоторыхъ народовъ „она въ теремѣ вѣка томилась“. Она была вдохновительницей не только поэтовъ и художниковъ, но и такихъ дѣятелей, профессіи которыхъ не имѣли ничего общаго съ изящными искусствами. Если мы перелистаемъ исторію съ первой страницы до послѣдней, то увидимъ, что въ девяти случаяхъ изъ десяти побудительной причиной событія была любовь къ женщинѣ. Эта любовь создавала не только литературу и искусства, но часто и исторію. Иначе говоря, она въ большинствѣ случаевъ являлась созидательнымъ побужденіемъ, или, выражаясь проще, творческой силой.

И вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и слѣдующій фактъ. Любовь проявлялась въ наиболѣе недисциплинированныхъ формахъ именно въ тѣ историческіе моменты, когда творческія силы вообще были наиболѣе напряжены и когда степень культурнаго развитія общества достигала возможной высоты. Такъ, въ Греціи, въ моментъ наивысшаго культурнаго развитія, существовало много „гетеръ“, оказавшихъ громадное вліяніе на развитіе литературы и искусствъ.—Аспазія, Фрина, Лаиса, Діотима и др., съ которыми въ постоянномъ общеніи были даже такіе великіе умы, какъ Периклъ и Сократъ. Платонъ въ своихъ діалогахъ даже увѣряетъ, что одна изъ такихъ „гетеръ“—Діотима—была учительницей Сократа, а Аспазія, по преданію, сочиняла рѣчи для Перикла. И все это дѣлалось въ то время, когда законныя жены грековъ вели въ полномъ смыслѣ замкнутую жизнь. Онѣ не смѣли показываться на глаза мужчинамъ, кромѣ, разумѣется, мужа и дѣтей

и весь кругъ ихъ дѣятельности ограничивался домашнимъ хозяйствомъ да воспитаніемъ дѣтей. Несомнѣнно поэтому, что общество „гетеръ“ обновляло и разнообразило жизнь грека. Жена вносила въ его жизнь только *содержаніе*, которое оставалось вѣчнымъ и однообразнымъ; „гетера“ обновляла это содержаніе, т. е. придавала новую форму самой жизни, безъ чего немыслимъ прогрессивный ростъ литературы, искусствъ и общественнаго самосознанія. Въ первомъ случаѣ были только однѣ обязанности, во второмъ, наоборотъ, свобода, а съ ней вмѣстѣ и вдохновеніе.

Если мы теперь припомнимъ моменты культурнаго возрожденія другихъ народовъ, то и здѣсь встрѣтимся съ подобными же фактами. Римская Имперія въ эпоху первыхъ вѣковъ нашей эры жила, пожалуй, исключительно чувственною любовью. Женщина-обольстительница была тогда идеаломъ для всѣхъ наиболѣе талантливыхъ поэтовъ, драматурговъ, философовъ и даже политиковъ.—То же наблюдалось и въ XVIII вѣкѣ, т. е. въ моментъ возрожденія наукъ и искусствъ. И въ эти именно вѣка творческія способности народовъ достигли наибольшаго напряженія.

И наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда творческія способности человѣка молчатъ, чувственная любовь бываетъ развита сравнительно слабо и совсѣмъ не носитъ того жгучаго, всеокрушающаго характера, какой она имѣла въ указанныхъ случаяхъ.

Можно было бы привести и еще не мало примѣровъ, но, думается, что и этихъ достаточно для того, чтобы вывести заключеніе, что степень страстности человѣка находится въ прямой зависимости отъ напряженія его творческихъ способностей. Если формулировать это положеніе болѣе точно, то онъ выразится такъ: степень страстности индивидуума прямо пропорціональна напряженію его творческихъ силъ. Я очень хорошо знаю, что это положеніе допускаетъ многочисленныя исключенія, но исключенія, по обыкновенію, только подтверждаютъ правила.

Любовь — сама по себѣ — впрочемъ, есть не что иное, какъ творческая сила, или, выражаясь болѣе точно, любовь — это одинъ изъ *элементовъ* творчества. И какъ таковой, она несомнѣнно нуждается время отъ времени въ обновленіи, потому-что творить — значитъ созидать что-нибудь новое, если не по содержанію, то по формѣ. Новое же можно создать только тогда, когда есть новые матеріалы. Такъ, съ одной натурщицы можно срисовать только одну фигуру и разница будетъ только въ положеніяхъ. Точно также одинъ человѣкъ не дастъ намъ столько впечатлѣній и ощущеній, сколько нѣсколько. Поэтому-то каждая отдѣльная любовь приносила Жоржъ-Зандъ что-нибудь новое: Альфредъ Мюссе наградила ее меланхолической музой, черезъ Пьера Лори она узнала социальныя идеи.

Еще болѣе яркой иллюстраціей къ упомянутому положенію служить знакомая нашимъ читателямъ пьеса Д'Аннунціо „Джіоконда“. Художникъ Лючіо Сеттала безъ ума влюбился въ Джіоконду, которая служила ему натурщицей при созданіи его лучшаго скульптурнаго произведенія. Въ этой натурщицѣ соединено все, что можетъ прельщать такого человѣка, какъ Лючіо. „Она, говоритъ художникъ, измѣняется безпрестанно, подобно облаку, которое незамѣтно для тебя ежеминутно принимаетъ новый образъ. Каждое движеніе ея тѣла, разрушая существующую гармонию, создаетъ новую, еще лучшую“. „Ея красота, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, оживаетъ въ каждомъ кускѣ мрамора“. Въ ея присутствіи „всѣ вышнія явленія навѣваютъ на душу художника чувство безконечной поэзіи, опяняютъ ее мечтой, подобной которой никогда не испыты-

ваете“. — Между тѣмъ, Лючіо женатъ. „Игра случая“ связала его съ Сильвіей, „съ существомъ, душевныя качества котораго неоцѣнимы“. Но, увы, это существо не создано для него, ибо онъ „не умѣетъ лѣпить душу“. — И вотъ, несмотря на то, что художникъ признаетъ всѣ совершенства Сильвіи и несмотря на обязанности по отношенію къ ней, его все же неудержимо тянетъ къ Джіокондѣ, ибо любовь къ ней его вдохновляетъ. Она явилась той творческой силой, которая помогла ему создать его лучшее про-

Въ циркѣ. Рис. «Jugend».

изведеніе. И онъ увѣренъ, что и впредь Джіоконда явится его вдохновительницей, ибо „всего мрамора въ горахъ недостаточно, чтобы запечатлѣть каждое движеніе любимаго человѣка“.

Самая борьба Сильвіи съ Джіокондой символизируетъ борьбу обязательнаго въ дѣятельности художника съ его вдохновеніемъ, т. е. творческой силой. Джіоконда, этотъ символъ формы и свободы, побѣдила и побѣдитъ впредь, потому-что она необходима Лючіо. Необходима какъ воздухъ. И эта необходимость будетъ ощущаться художникомъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ въ немъ ваятель и пока онъ не превратится изъ художника хотя-бы „въ са-

довника, который будет сажать и поливать розы, очищать ихъ отъ гусеницъ“ и пр.

Такимъ образомъ личное начало въ искусствѣ, т. е. творческая сила торжествуетъ надъ долгомъ и обязательствомъ, символомъ котораго является въ данномъ случаѣ Сильвія.

Все сказанное, разумѣется, относится только къ избраннѣйшимъ натурамъ; распутство и общее паденіе нравовъ относятся не къ эстетикѣ, а просто къ свинству.

Семья—сама по себѣ—есть консервативное начало индивидуальной жизни. Она вноситъ въ жизнь индивидуума только *содержаніе*, которое не способно часто измѣняться. Между тѣмъ, дѣятельность художника, какъ уже говорилось, вся соткана изъ неожиданныхъ эволюцій. Для него содержаніе является часто вещью второстепенной; главное—форма, которая мѣняется то и дѣло. Отсюда и порханье съ одного цвѣтка на другой: въ одномъ мѣстѣ онъ позаимствуетъ одно, въ другомъ—другое. Если любовь для него является вдохновительницей и творческой силой, которая окрыляетъ мысль и поднимаетъ упавшій духъ, то она должна время отъ времени мѣняться, дабы вдохновеніе не изсякло и не превратилось въ рутину. Поэтому однообразиемъ чувствъ онъ прожить не можетъ: ему необходимы новыя ощущенія и новыя встрѣчи. Это во-первыхъ.

Затѣмъ вотъ еще что.

Э. Золя, не помню, гдѣ именно, говоритъ, что любовь проявляется обыкновенно въ слѣдующихъ двухъ формахъ: въ формѣ садизма и въ формѣ пассивизма. Любовь первого рода вся основана на порабощеніи и на подчиненіи себѣ любимаго лица. Садистъ способенъ любить только то, что вполне подчинено его силѣ и его власти. Этотъ деспотизмъ не есть однако деспотизмъ нашего Тита Титача, ибо основанъ на умышленномъ подчиненіи. Наоборотъ, пассивистъ можетъ любить только того, кому онъ самъ подчиняется и рабомъ чьимъ онъ самъ, хотя бы на время, дѣлается.—Для семейной жизни, предполагающей Золя, необходима любовь, которая носила бы смѣшанный характеръ, такъ сказать, пассивно-садической. Т. е. счастье всякой семьи основано на взаимныхъ уступкахъ. Въ одной сферѣ жена дѣлается рабыней, въ другой—наоборотъ.

Любовь всякаго художника, а слѣдовательно и артиста, какъ мнѣ думается, не можетъ проявляться иначе, какъ въ строго обостренной формѣ пассивизма. Живя вообще порывами, онъ отдается и любви цѣлкомъ и безъ всякаго протеста. Только въ этомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ непосредственнаго вліянія любимаго существа, сама любовь явится творческой силой. Если же любовь художника или артиста начинаетъ принимать садическую форму, то это значитъ, что и самой любви приходитъ конецъ.

Такимъ образомъ, довольно распространенное мнѣніе о томъ, что люди съ чуткой организаціей, люди талантливые и принадлежащіе къ избраннѣйшимъ натурамъ, такъ сказать—„любимцы музы“, не способны составить прочную семью—не лишено оснований.

Но кромѣ любимцевъ музы, есть еще люди, страстно музы обожающіе, но ими не любимые. Немногіе нисходятъ до той массы, которая подъ кличкою артистовъ раскинута по разнымъ угламъ и закоулкамъ. Эти маленькіе труженики сцены—не сверхчеловѣки, но и они живутъ, работаютъ и часто вкладываютъ всю душу въ искусство. Они также по своему разрѣшаютъ теоретически и практически разныя проблемы жизни.

Не мѣшаетъ взглянуть, какъ они это дѣлаютъ.

Вл. Линскій.

Мюнхенская художественная выставка.

Спиною къ зрителямъ, лицомъ въ польборота, предъ нами дѣвушка, съ тонкими и изъясними чертами лица, цвѣтущая свѣжестью и молодостью и держитъ въ затаенныхъ въ черныя перчатки рукахъ книжку. На дѣвущкѣ—цвѣтная жакетка и цвѣтной воротничекъ. На желтой дорожкѣ, по которой она идетъ, играютъ свѣтъ и тѣни солнца, осенняго холоднаго солнца, когда лѣсъ роиается „багряный свой уборъ“. Вдали виднѣтся деревянный мостикъ, перекинутый черезъ ровъ. Деревья одѣлись въ осенній шурядъ; листья пожелтели и опали. Между вѣтвями виднѣтся домикъ съ красной черепичной крышей, а дальше, на горизонтѣ, гдѣ небо сливается съ землею,—мельница. Лѣто прошло, но глубокая осень еще не настала. Солнце свѣтитъ, но въ природѣ воцарились предсмертный покой, импно, покой, утомленіе, а не забвеніе смерти. Вся картина—поэма безъ словъ, вырисованная въ ясныхъ тонахъ. Настроеніе сильное, и тоска невольно сжимаетъ сердце („Сумерки“ Георга Гитчока, выставка сецессионистовъ).

Поздняя осень. На дворѣ—ноябрь. На землю пала ночь. Небо такое прозрачное; и на немъ свѣтлѣе, чѣмъ на землѣ. Лѣсъ стоитъ неподвижный. Листья давно облетѣли и покрываютъ землю толстымъ ковромъ, шуршащимъ подъ ногами. И такъ и кажется, что пройдетъ день, два, и свѣтъ покроетъ, какъ саваномъ, и этотъ призракъ жизни. Все погасло, послѣдніе огни догорѣли. Дыханье смерти чувствуется повсюду, носится надъ ландшафтомъ, и только черная дорожка, и темные силуэты деревьевъ говорятъ о жизни, да еще это одинокая пара, заблудившаяся въ лѣсу. Онъ разсѣянно глядитъ кругомъ, а она опрокинула голову назадъ, и смотритъ на верхъ въ синюю высь, и свѣтъ холоднаго ноябрьскаго неба падаетъ ей прямо въ лицо, и это лицо кажется почти мертвенно блѣднымъ (Огюстъ-Израэль, „Ноябрьскій вечеръ“. Выставка сецессионистовъ).

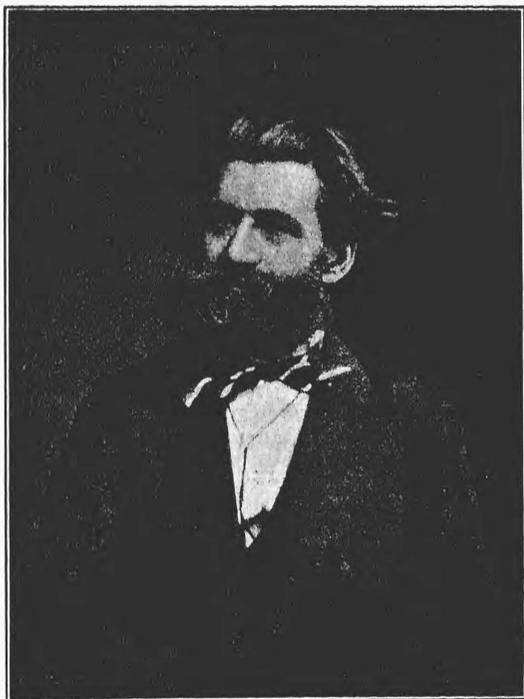
Дамскій рабочій кабинетъ. Въ задумчивой позѣ сидитъ хозяйка. Она уже не молода, но сохранила грацію и прелесть очарованія,—грацію красивой женщины, которой не знаютъ молодыя дѣвушки; въ ней сочетаются дивная гармонія душевной красоты и чувственности. Прекрасные, сѣрые, глубокие глаза на узкомъ, блѣдномъ, мягкомъ лицѣ, длинныя, бѣлыя, тонкія руки, съ длинными, тонкими, бѣлыми пальцами; одна рука неподвижно повисла, и вся поза говоритъ объ утомленіи и раздумьи; ту же пѣмью тоску и жалобу вы прочтете и въ ея глазахъ. Вся картина нарисована въ темныхъ тонахъ, и краски расположены въ извѣстномъ ритмѣ, отъянія благородныхъ чертъ; картина ирризывается въ мозгъ, какъ память о далекомъ прошломъ, какъ звуки прекрасной мелодіи, не перестающіе звенѣть и пѣть въ вашихъ ушахъ въ то время, когда занавѣсь уже спущена и театральные огни погасли. (Адольфъ Геллеръ: „Портретъ“).

Молоденькая служанка. Юное существо, полуробеночекъ. Вся картина выдержана въ блѣдныхъ матовыхъ тонахъ. Фигура молодой дѣвушки выступаетъ, однако, очень выпукло изъ рамокъ. Она стоитъ, склонивъ головку и читаетъ газету. На ней—рабочій костюмъ, темненькое простое платье; на груди и плечахъ бѣлая косынка, оставляющая открытыми верхнюю часть груди, блѣдное нѣжное серьезное лицо. Гладко причесанные волосы, красиво отъяняющіе лобъ,—все вмѣстѣ напоминаетъ поэму, идиллію счастливаго дѣвического возраста, когда молодая дѣвушка—еще не женщина, но уже не ребенокъ, когда ея душа и тѣло чисты, но жизнь и чувства начинаютъ просыпаться и она сама не сознаетъ, куда уноситъ ее ея мечты и желанія. (Анна Гиллорманъ: „Дѣвушка за чтеніемъ“).

Молодая дѣвушка сидитъ на стулѣ, въ маленькой, бѣдной, но опрятной комнаткѣ. На ней—красный корсажъ и красная юбка, бѣлые рукавчики и воротничекъ и платокъ. Здоровьемъ дышетъ ея молодое, серьезное, румяное лицо; здоровьемъ, спокойствіемъ и силою дышетъ вся ея фигура. Художникъ назвалъ свою картину: „Амстердамская сиротка“. Это—мастерское произведеніе простой, солидной и стильной голландской живописи. Вы какъ будто вдыхаете сладкій и крѣпительный ароматъ тюльпановъ; въ позѣ и въ выраженіи лица брызжущей здоровьемъ амстердамской сиротки вы чувствуете темпераментъ народа, создавашаго исторію Голландіи (Николай ванъ-деръ-Ваай „Амстердамская сиротка“).

Лучшіе часы, которые мы проводимъ на выставкахъ, также, какъ и въ жизни, получающей свое отраженіе на выставкахъ,—это тѣ, когда мы наталкиваемся на истинно поэтическое созданіе вдохновенія или на типичную чело-

нѣческую индивидуальность, которую мы можем постичь и воспринять. На художественную выставку идутъ для того, чтобы получить эстетическое наслажденіе. Наслаждаться же—значитъ жить болѣе интензивно, при чемъ всякій получаетъ наслажденіе, конечно, по своему, согласно съ своимъ темпераментомъ, вкусомъ и художественными запросами. У одного впечатлительность пробуждаютъ краски и формы, сами по себѣ. Другой хочетъ проникнуть глубже въ душу, открыть сущность вещей, всеобразную природу современнаго человѣчества, формулировать его особенности. Но оба, и сенсуалистъ и психологъ, стремятся къ одной цѣли: они желаютъ наслаждаться, желаютъ почувствовать пульсъ жизни, дать матеріалъ тому, что составляетъ въ нихъ элементъ бытія. Можно воспринимать прошлое, или видѣть въ картинѣ абрисъ будущаго; можно видѣть свѣтъ и мракъ, радость и скорбь; но сущность остается вездѣ и всегда одна и та же. Вотъ почему цуризмъ никогда не высказывается противъ опредѣленной формы искусства; протестуетъ противъ искусства вообще, въ болѣе широкомъ и глубокомъ смыслѣ слова. „Нравственная чистота“ и „духовная чистота“, одни и тѣ же оселки, о которые моралисты точатъ свое краснорѣчіе.

А. В. Сухово-Кобылинъ.

(Въ 1880 г.).

(Къ постановкѣ «Смерти Тарелкина»).

Для художника нужны краски. Поэтъ требуетъ матеріала. Но они должны взять что-нибудь у человѣчества для того, чтобы имѣть возможность потомъ дать ему что-либо взаменъ. Они должны сами пережить и радость, и горе, прежде чѣмъ другіе воспримутъ эту радость и горе въ ихъ созданіяхъ. Тутъ дѣйствуютъ строгое взаимодействіе силъ, глубокая солидарность между творящими и наслаждающимися творчествомъ, между дающими и получающими.

Наше время, какъ извѣстно, переопредѣняетъ значеніе материализма. Такая переопредѣлка вызываетъ, совершенно естественно, реакцію въ противоположномъ смыслѣ; одна крайность создаетъ другую. Поиски чувственнаго наслажденія—въ вульгарномъ, банальномъ смыслѣ этого слова,—поиски денежныхъ интересовъ, и чисто физическихъ радостей любви и т. д.—являются продуктами материалистскаго культа. Но и отрицаніе всего этого—точно также продуктъ высокой переопредѣлки матеріи. Въ томъ и другомъ случаѣ, матерія приписываютъ слишкомъ большое вліяніе. Аскеты и люди животныхъ инстинктовъ какъ будто открываютъ другъ друга и совсѣмъ не такъ далеки другъ отъ друга, какъ объ этомъ можно думать. „Аристократъ индивидуалистъ“, не желающій нести по улицѣ портфеля, и человѣческія права котораго опредѣляются величинами рентъ,—безспорно извращенное существо. Но „христіанскій демократъ“ Германіи, высматривающій черезъ щели ставенъ, не беретъ ли кто извозчика въ то время, когда обязанность человѣка ходить пѣшкомъ,—несколько

не выше и не лучше. Упрощеніе формъ жизни равносильно высыханію источниковъ жизни.

Я, лично, никогда не могъ понять, насколько руководящіе взгляды художниковъ-сецессионистовъ сказываются въ ихъ полотнахъ. Ихъ художественныя тенденціи остаются для меня загадкой. Что хотятъ они дать? Какъ прикажете смотрѣть на женщинъ Габермана, изъ года въ годъ украшающихъ залы выставки, съ ихъ монотонными красками, и наводящими тоску однообразиемъ? Что это—идеалъ красоты? Или увѣковѣченіе характерныхъ фizioномій вѣка? Первое предположеніе кажется такимъ же неправдоподобнымъ, какъ и второе. Линія, какъ форма красоты, имѣетъ свое оправданіе въ портретной живописи. Линія, какъ психологическая характеристика, какъ синтезъ, имѣетъ также свой смыслъ. Но какое значеніе могутъ представлять гримасы и ужимки дамъ Габермана? А женщины Штука, каждый годъ фигурирующія, все такія нарядныя и красивыя? А мужчины Замбергера, которые съ каждымъ годомъ запускаютъ все болѣе шевелюру и теперь перестали, кажется, даже расчесывать голову и бороду. Или Удъ, такъ недавно экспонировавшій полотна, съ настроеніемъ, не лишеннымъ поэтической индивидуальности, при чемъ эта индивидуальность дѣйствовала сильнѣе и захватывала болѣе глубоко, чѣмъ „религіозный“ духъ его позднѣйшихъ „христіанскихъ картинъ“, сказывающійся теперь въ однихъ подписяхъ. Онъ выставилъ, между прочимъ, „Отдыхъ въ мастерской“, гдѣ фигурируютъ наброски и этюды его будущихъ картинъ, въ томъ числѣ „Дѣва Марія съ Младенцемъ“. Но все это блѣдно и не колоритно.

Тѣмъ не менѣе у сецессионистовъ на выставкѣ имѣется рядъ превосходныхъ портретовъ. Отличный поясной портретъ „Anglina“ выставила Ольга Познанская. На портретѣ—молодая женщина съ ярко выраженнымъ кельтскимъ типомъ. Судя по виду и костюму, она принадлежитъ къ какому-нибудь религіозному ордену. Нѣсколько утомленная поза говоритъ не только объ усталости физической, но и объ усталости душевной; выраженіе сильно исхудавшаго, несмотря на молодость, лица съ впавшими щеками и подозрительными красными пятнами, и чертанія строго сжатого рта, все это передано художницей великолѣпно; взглядъ сѣро-голубыхъ глазъ какъ будто не смотритъ и не видитъ, но какую глубокую, душевную драму вы можете прочесть въ немъ! Все это характерно возсоздаетъ образъ женской души, сотканной изъ фанатизма, жалости и любви къ Богу. Нѣсколько сходна по идеѣ, но совершенно иначе задумана и исполнена картина Виктора Шарфа „Старая бретонка“. Она стоитъ въ маленькой комнаткѣ; на стѣнѣ виситъ распятіе; на столѣ лежитъ евангеліе. Это—тоже, преданная Богу, душа, но душа, открытая для всѣхъ. Она также нафанатизирована; но ея фанатизмъ смѣло пробивается наружу и не скрываетъ своихъ ощущеній; онъ экспансивнѣе и менѣе опасенъ и для нея, и для другихъ.

Джорджъ Генри изъ Глазгова экспонировалъ недурной портретъ молодой дѣвушки „Сѣрая шляпка“. Картина названа правильно, такъ какъ шляпка—въ ней главное, и при томъ не для публики, и даже не для художника, но для молодой дѣвушки, имѣвшей возможность купить и надѣть чудесную шляпку. Это говоритъ намъ полотно; это говоритъ игра лица, прекрасно воспроизведенная; это видно изъ гордо поднятаго вверхъ носика молодой дѣвушки, которая сознаетъ, какъ идетъ къ ней шляпка; это чувствуется во всемъ... И въ этомъ—заслуга даровитаго художника.

Среди чисто пластическихъ работъ отдѣла сецессионистовъ имѣется превосходный портретъ молодой дѣвушки Адольфа Гильдебранда. Она сидитъ, склонивъ голову на руку, и смотритъ внизъ. Но поза и выраженіе лица схвачены удивительно.

Пейзажная живопись представлена въ Мюнхенѣ особенно богато. Тутъ имѣется группа художниковъ, рисующихъ по методу старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ, такъ какъ его воскресили въ своихъ ландшафтахъ Тома, Гайдеръ и другіе. Они пишутъ тяжело, массивно, какъ тяжела и массивна сама германская природа. Ландшафтъ выдержанъ у нихъ до мельчайшихъ деталей; перспектива ясна и отчетливо выдѣлена. Другая группа пейзажистовъ избрала другой методъ; у нихъ линія и самый рисунокъ отступаютъ на задній планъ. Самое же важное для нихъ—это игра красокъ и тоны. Они берутъ у моря нѣжные переливы волнъ и краски заката или восхода, и хотятъ воссоздать сухую жесткую прусскую природу не такой, какъ она есть, но такой, какъ она представляется художнику и зрителю. Въ томъ и другомъ случаѣ часто страдаетъ искусство, часто теряются вдохновеніе и непосредственность; художникъ впадаетъ въ манерность и схематичность; отъ всей картины отдаетъ дѣланностью, и мы не чувствуемъ въ ней аромата ландшафта, каковъ бы онъ ни былъ, чудесный или отвратительный, разнообраз-

ный или скудный. Каталогъ съ своими нумераціями: „Осенняя погода“, „Вечерняя тишина“, „Осень“, „Праздничный вечеръ“, „Ни звука“ и т. д. вызываетъ въ насъ представления, чувства, воспоминанія, словомъ все то, чего мы не видимъ въ самихъ картинахъ. Между тѣмъ, въ пейзажѣ Карла Гайдера „Вечерній ландшафтъ“ мы чувствуемъ этотъ вечеръ, и разлитое повсюду спокойствіе, суровое и монотонное.

Всякая картина, если она только просто, безъ прикрасъ и нужды, производитъ природу, должна вызывать въ насъ соответствующее настроеніе. У „сецессионистовъ“ на Мюнхенской выставкѣ имѣется картина „Песчаная дорога“ Ванъ-Дамме-Сильва. Ничего кромѣ того, что написано въ каталогѣ, на ней нѣтъ. Песчаная дорога и песчаная горка съ нѣсколькими чахлыми деревьями; но за рамками картины чувствуется дыханіе чего-то другого, чего не видать и что не нарисовано; это только воспринимается, это ощущается: воздухъ, небо, освѣщеніе и самыя деревья говорятъ намъ, что море близко, что сейчасъ, за песчанымъ пригоркомъ, вы услышите прибой волны. Такъ, часто, когда вы мчитесь по желѣзной дорогѣ, среди степей и полей, вы начинаете чувствовать близость влаги, раньше, чѣмъ взглянуть вы увидите настоящее море. И для того, чтобы вызвать въ насъ такія ощущенія, какъ мало надо искусственныхъ средствъ и пріемовъ! Это секретъ настоящаго таланта, заставить вибрировать нашу душу сочетаніемъ словъ, тоновъ или красокъ. Такова акварель Ганса Бартеляса: „Пароходъ на зарѣ“.

Небольшая сравнительно „сецессионисткая группа“ въ Мюнхенѣ производитъ, въ сущности, болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ выставленные въ громадномъ количествѣ полотна „Зеркальнаго дворца“. Нѣсколько картинъ, выдѣляющихся здѣсь изъ обычнаго сѣраго уровня, почти совершенно тонутъ въ старомъ, отжившемъ и умирающемъ художествѣ. Впрочемъ, истинно выдающихся великихъ произведеній нѣтъ ни у сецессионистовъ, ни въ „Зеркальномъ дворцѣ“. Нѣтъ также и юношеской свѣжести красокъ. Среди монотонной игры красокъ вы тщетно ищете великолѣпныхъ мазковъ, въ которыхъ сказались бы трепещущій и живой организмъ, яркое отраженіе физиономіи. Тщетно будете вы искать также художественной индивидуальности, или чисто юношескаго темперамента. Великіе представители германскаго искусства держатъ себя въ этомъ, какъ и въ прошломъ году, въ сторонѣ. Можно усмотрѣть въ этомъ даже извѣстную предвзятость. Три картины Тома, это три картины Тома. Больше сказать объ нихъ нечего. Веклингъ выставилъ Мадонну. Но великій художникъ давалъ намъ лучше и болѣе высокіе образцы.

Поразительное впечатлѣніе оставляютъ въ „Зеркальномъ дворцѣ“ только картины Юлія Экстера. Сначала кричація и ярсія краски оглушаютъ васъ, какъ грохотъ барабановъ или шума фанфаръ. Но потомъ васъ что-то неожиданно забираетъ и вы начинаете понимать и постигать главную силу, смѣлаго до дерзости, искусства. Вы уже перестаете смотрѣть на эти картины, какъ на крикливую оригинальность, какъ на вызовъ; меньше же всего, вы склонны видѣть въ нихъ битву на рекламу. „Рождественская ночь“—образецъ настоящей религиозной живописи, чего нельзя сказать о болѣе части произведеній отдѣла „Нѣмецкаго общества христіанской живописи“, которые не представляютъ собою ни искусства, ни христіанства. „Поэзіей Рождественской Ночи“ вѣдетъ отъ картины; въ зимнемъ ландшафтѣ чувствуется дыханіе истинно религиозной поэзіи; ея дышутъ и зимній ландшафтъ, и, занесенная снѣгомъ, деревенка, и освѣщенный окна маленькаго домика и еще ярче освѣщенная церковь. Поэзіей дышетъ и лицо этого бѣдняка, стоящаго у открытой двери, и держащаго руку зонтикомъ у глазъ для того, чтобы яснѣе видѣть Рождественскую ночь, пока жена и дѣти его хлопочутъ тамъ, въ комнатѣ. Реализмъ строгій, точный и сухой, соединяется здѣсь невидимыми вѣтами съ поэзіей и эти простые и грубые люди не просто крестьяне, а составная часть религиозной и поэтической рождественской мистеріи.

О. Гансонъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Грустные слухи проникли въ печать; говорить, что М. Н. Ермолова по разнымъ обстоятельствамъ—не по нездоровью—уходитъ изъ Малаго театра.

* * *

Прощальный бенефисъ Э. П. Горева состоится 8-го октября. Поставлена будетъ знаменитая комедія Пальма „Старый баринъ“, не шедшая въ Петербургѣ со временъ Киселевскаго. Въ спектаклѣ примутъ участіе лучшія силы труппы. Опольева играетъ г. Горевъ, Жакобо — г. Варламовъ, Бухарцева—г. Давыдовъ, фонъ-Гаммера—г. Ленскій, Лавренку—г. Аполлонскій, Винницкаго—г. Сазоновъ, дочерей Опольева—г-жи Савина и Коммисаржевская. Разумѣется, въ такомъ составѣ пьеса пойдетъ только одинъ разъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Ялы. Ночью, съ 9 на 10 сентября, сгорѣлъ нашъ городской театр. Пожаръ начался въ три часа ночи отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ нѣкихъ театралныхъ рабочихъ, причѣмъ одинъ изъ нихъ едва не сдѣлался жертвою своей неосторожности. Начавшись съ мебели на сценѣ, огонь перешелъ на кулисы, оттуда къ висящимъ декорациямъ. Пожаръ не могъ быть потушенъ тѣми мизерными средствами, которыми представляетъ наша пожарная команда изъ вольныхъ охотниковъ и одного—двухъ, чуть не игрушечныхъ, брандсбоекъ. Вольные охотники пожарной команды—это то что любители въ драмѣ. Пужно прибавить къ этому еще то, что въ водопроводахъ не оказалось воды по винѣ мудраго распоряженія городского управленія, которое на ночь запираетъ водопроводъ. Еслибы на сценѣ было хотя ведро воды, пожаръ можно было потушить и почти 50-тысячное зданіе и имущество антрепренера и артистовъ было бы спасено.

Въ нашѣмъ театрѣ всего недѣли полторы, какъ начала играть труппа опереточныхъ артистовъ подъ управленіемъ нашего гелльпрессаріо С. Н. Новикова. Я ждалъ пока придѣтъ балетъ и нѣкоторые артисты, чтобы сообщить о дѣлахъ, и теперь могу сообщить лишь о печальномъ происшествіи, оставившемъ безъ дѣла около ста человѣкъ. Этотъ случай—force majeure, и антрепренеръ не обязанъ дальше содержать труппу. У музыкантовъ сгорѣли всѣ инструменты, сгорѣли всѣ ноты; у парикмахера сгорѣло сотни двѣ париковъ; у реkvизитора весь реkvизитъ. Убытки антрепренера исчисляются въ 20 тысячъ.

Ялтинская дума въ экстренномъ засѣданіи постановила въ виду пожара театра предоставить труппѣ Новикова бесплатно залъ курзала и выдать субсидію въ 4000 рублей. Открыта подписка въ пользу погорѣвшихъ артистовъ.

И. М. Гези.

* * *

Небезызвѣстная провинціальная артистка Е. М. Любарская вышла замужъ за актера г. Витарскаго.

* * *

На дняхъ при Императорскомъ обществѣ архитекторовъ возобновить занятія коммисія по вопросу о пожарахъ въ театрахъ. Коммисія осмотритъ частные театры и концертные залы, а также произведетъ вторичный осмотръ Императорскихъ театровъ. Будутъ изготовлены миниатюрныя модели театровъ и произведены примѣрные пожары. Конечная цѣль коммисіи заключается въ томъ, чтобы выработанныя ею мѣропріятія провести въ жизнь законодательнымъ порядкомъ и тѣмъ сдѣлать ихъ обязательными для всѣхъ театровъ Россіи.

* * *

Московскія новости.

Въ художественно-общедоступномъ театрѣ начались генеральныя репетиціи пьесы «Снѣгурочка». Какъ намъ передавали, 15-го сентября состоится полная генеральная репетиція въ костюмахъ и при декорацияхъ, а затѣмъ начнутся генеральныя репетиціи пьесы Г. Ибсена. «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Въ художественно-общедоступномъ театрѣ пойдетъ пьеса Гауптмана «Михаилъ Крамеръ».

Въ пьесѣ двадцатипятилѣтія, со дня кончины графа А. К. Толстого, дирекціей Императорскихъ театровъ возобновляется трагедія поэта «Царь Борисъ».

Въ составъ Частной оперы, вмѣсто поступившей въ Большой театръ г-жи Хрѣнниковой, принята г-жа Повнякова, окончившая курсъ московской консерваторіи и пѣвшая сезонъ въ провинціи.

Новая пьеса Зудермана «Johannesfeuer» переводится съ рукописи В. М. Саблинныи и пойдетъ, по слухамъ, въ этомъ сезонѣ на сценѣ Малаго театра.

* * *

Г-жа Линская-Неметти предполагает соорудить на Петербургской сторонѣ собственный театр, приспособленный для лѣтнихъ и зимнихъ представлений. При театрѣ будетъ небольшая садъ.

* * *

Г. Корь-де-Лась приглашенъ капельмейстеромъ въ театр г-жи Шабельской. Онъ же будетъ главнымъ капельмейстеромъ лѣтней оперетки.

* * *

Предстоящимъ постомъ снова ожидаютъ гастроли Тиньди-Лоренцо. Говорятъ также о спектакляхъ Дуза. Не забудемъ «Тинъ».

* * *

На дняхъ разрѣшена постройка каменнаго Василеостровскаго театра. Планъ театра, рассчитаннаго на двѣ тысячи человѣкъ, составленъ архитекторомъ В. А. Шевелевымъ. Задержка заключается въ томъ, что городъ не даетъ театрѣ землю въ собственность, а только въ бесплатную аренду.

* * *

Весь составъ лѣтней труппы театра Неметти на будущій сезонъ переходитъ въ новый лѣтній театр «Буффъ» П. В. Тумпакова. Въ настоящее время контракты подписаны со слѣдующими артистами: А. Д. Вяльцевой, Р. М. Раисовой, А. А. Смолиной, Е. И. Варламовой, Г. Д. Рутковскимъ, Н. Г. Сѣверскимъ, М. С. Дальскимъ, А. А. Брянскимъ и А. Д. Каменскимъ.

* * *

Общій итогъ пьесъ, присланныхъ на конгрессъ, Литературно-Художественнаго общества, — 137. Среди нихъ, по слухамъ, имѣется нѣсколько, которымъ предполагается присудить третью премію.

* * *

Въ театрѣ г-жи Шабельской второй пьесой, послѣ «Вія», пойдетъ «Госка» Сарду, въ переводѣ Э. Латернера.

* * *

Г. Бобровъ обратился съ письмомъ въ редакцію, въ которомъ такъ излагаетъ извѣстный грустный эпизодъ. Приводимъ письмо дословно:

«За послѣднее время я служу для столичной печати мишенью для нападокъ, обвиненій и оскорбленій. Далеко отъ мысли винить въ этомъ печать, такъ какъ она основываетъ свои мнѣнія и сужденія на томъ матеріалѣ, какой былъ опубликованъ въ „Астраханск. Губер. Вѣдомостяхъ“ по поводу третейскаго суда надо мною въ г. Астрахани. Не съ цѣлью облить себя или оправдаться я берусь теперь за перо — никакое оправданіе не облегчитъ тѣхъ мукъ, которые и вынесъ въ этой тяжелой не для одного меня семейной драмѣ.»

Мнѣ хочется лишь поставить всѣхъ заинтересованныхъ этимъ дѣломъ въ извѣстность о дѣйствительныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ оно разыгралось.

Во время моего пребыванія въ г. Воронежѣ я страстно влюбился въ 16-ти лѣтнюю дѣвушку г-жу Часовникову, ученицу VII го класса гимназій, отвѣтившую мнѣ взаимностью. Я не скрывалъ отъ нея ни моего прошлаго, ни настоящаго. Такъ она знала, что я женатъ, хотя уже много лѣтъ не живу съ женою; знала также, что для нея и рѣшился порвать мою 5-ти лѣтнюю связь съ актрисой г-жей Зориной. Никакого обмана, никакихъ ложныхъ обѣщаній съ моей стороны не было, и г-жа Часовникова хорошо знала, на какую жизнь она идетъ. Призвавъ себя виновнымъ въ томъ, что не сумѣлъ потушить въ себѣ чувства возраставшей любви къ ней и что жаждя счастья и сознаніе того, что меня любить — парализовали мою волю. Возникшія между нами въ г. Воронежѣ отношенія не были тайной для многихъ — и послѣ того, какъ г-жа Зорина дала мнѣ полную свободу, я уѣхалъ съ г. Часовниковой въ Крымъ. Мы были совершенно счастливы, и рядомъ свидѣльскихъ показаній я могу установить, что затолкался о ней и лелѣлъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Вскорѣ съвязью нашей и родители ея совершенно примирились. Катастрофа развилась внезапно. Изъ Крыма я выѣхалъ съ г-жей Часовниковой прѣхалъ на мѣсто моей службы въ г. Харьковѣ. Здѣсь въ жизни моей произошло осложненіе въ видѣ встрѣчи съ г-жей Зориной, служившей въ одномъ и томъ же театрѣ. Нашлись добрые люди, которые съ помощью доносовъ, анонимныхъ писемъ и прочихъ атрибутовъ заботливости о судьбѣ ближняго возбуждали ревнивыя подозрѣнія въ душѣ Часовниковой. Подозрѣніямъ этимъ давало пищу еще то обстоятельство, что мнѣ пришлось нѣсколько разъ быть у г-жи Зориной, такъ какъ два съ половиною года тому назадъ нами обоими былъ взятъ на воспитаніе мальчикъ-калѣка, оставшійся послѣ нашего разрыва у г-жи Зориной и въ это время сильно болѣвшій

туберкулезомъ ноги. О моихъ посѣщеніяхъ какъ г-жи Зориной, такъ и ребенка, по отношенію къ которому у меня были нѣкоторыя обязательства — г-жа Часовникова знала и, по ея словамъ и поступкамъ, относилась къ нимъ симпатично. Не чувствуя силъ выносить тяготу сложившейся подобнымъ образомъ жизни, я рѣшилъ уѣхать изъ Харькова въ другую труппу, о чемъ и сообщилъ моей подругѣ. Она не дождалась этого и почти на глазахъ моихъ выстрѣлила въ себя. Вся страстность, вся порывистость и болѣзненная впечатлительность натуры г-жи Часовниковой сказались въ этомъ безумномъ поступкѣ. Его неожиданность была тѣмъ болѣе ужасна, что при безусловномъ обоюдномъ доврѣніи я не замѣчалъ въ ней даже тѣни безпокойства, наоборотъ она была какъ всегда весела и еще за день до своего рѣшенія весело хохотала въ театрѣ. Немедленно послѣ выстрѣла ей была оказана медицинская помощь, и она была отправлена въ клинику, при чемъ отправляли ее туда посторонніе люди, между которыми были какіе то студенты, такъ какъ я, хотъ и находясь въ сосѣдней комнатѣ, по былъ въ состояніи невмѣяемости.

Одинъ изъ этихъ-же студентовъ потомъ усадилъ меня на извозчика и въ сопровожденіи одного лица отправилъ домой, откуда меня увезъ къ себѣ одинъ изъ моихъ друзей. Вѣроятно, это былъ тотъ студентъ, про котораго упоминаетъ въ своемъ письмѣ г. Часовникова и который можетъ быть и за меня заплатилъ извозчику, такъ какъ я почти ничего не помню. Въ клиникѣ положеніе г-жи Часовниковой считалось не опаснымъ. Во время ея болѣзни я хотъ и большой порывался къ ней, но въ клинику меня не пустили, боясь, что волненіе на нее дурно подействуетъ. Въ состояніи г-жи Часовниковой произошло какое-то осложненіе, и она скончалась, просилъ никого не винять въ своемъ поступкѣ. Вотъ за всю эту грустную исторію мнѣ въ Астрахани, куда я послѣ 2-хъ мѣсячнаго болѣзненнаго состоянія прѣхалъ, чтобы забыться въ работѣ — кучка учащейся молодежи устроила громкій скандалъ, повѣривъ корреспонденціи „Спб. Вѣдомостей“ въ томъ, что я улепѣлъ г-жу Часовникову, воспользовался ея юностью и неопытностью и потомъ бросилъ ее на произволъ судьбы. Я предложилъ „протестантамъ“ разобраться третейскимъ судомъ. Въ „Астрах. Губерн. Вѣдомостяхъ“ потомъ были опубликованы почему-то только письмо отца несчастной моей подруги и приговоръ суда, обвинившій меня лишь въ томъ, что нѣкоторыя условія моей жизни могли заставить г-жу Часовникову, соимѣявшись въ искренности моихъ къ ней чувствъ. Всѣ же письменныя данныя, представленныя мною въ свою защиту, а также показанія ближайшей свидѣтельницы моего романа — г-жи Зориной — опубликованы не были. Тѣмъ временемъ все напечатанное въ „Астр. Губ. Вѣдом.“ облетѣло всю Россію, и меня осыпали градомъ жестокихъ обвиненій и упрековъ, сдѣлавъ изъ т. желой семейной драмы какую-то „оперегочную“ авантюру. Этимъ письмомъ я дѣлаю послѣднюю попытку къ правдивому освѣщенію этой грустной исторіи, что дастъ мнѣ, быть можетъ, хотъ относительное нравственное спокойствіе.

* * *

Балетъ напѣ переживаетъ печальные дни. Хотя въ немъ и всегда въ началѣ осенняго сезона какъ-то не вклились дѣла, и по ограниченности репертуара за отсутствіемъ балеринъ, онъ не отличался хорошими сборами, но въ этомъ году онъ, такъ сказать, пережеголялъ всѣ предыдущіе годы и открылъ сезонъ *совсемъ безъ балеринъ*. Даже самой дирекціи, надо полагать, стало неловко отъ подобнаго курьезнаго и неслыханнаго положенія, и она, желая, видимо, создать себѣ изъ него какой-нибудь выходъ, во время перваго же спектакля „произвела“ г-жу Преображенскую въ балеринѣ. Допустимъ, что эта находчивость хороша, но что, спрашивается, достигается этимъ назначеніемъ и какую услугу оно можетъ оказать для расширенія балетнаго репертуара? Г-жа Преображенская, какъ бывшая солистка, подготовленнаго репертуара балеринъ не имѣетъ, а тѣ балеты, которые она танцевала ранѣе, т.-е. архивная „Коппелія“ и намозолившіе всѣмъ глаза „Капризы бабочки“, давнымъ давно уже занграны. Да и вообще, г-жа Преображенская — прекрасная, граціозная танцовщица, но, не смотря на свои несомнѣнные способности и яркіе успѣхи, едва-ли будетъ настолько же выдающеюся балериною, насколько она была блестящею солисткою. Для балеринъ, во-первыхъ, вредно у нея хватить силъ, а во-вторыхъ, изображать, при ея миміатюрной фигуркѣ, величественныхъ царицъ и величавыхъ героинь, и при томъ на нашей большой сценѣ, — дѣло вредно-ли подходящее.

Трудно объяснить дальше, почему особою фавориткою оказалась г-жа Трефилова, и почему именно ею дирекція замѣстила балерину въ балетѣ „Коппелія“, поставленномъ для 2-го спектакля, 10 сентября г-жа Трефилова за все

Г-жа Трефилова.

время своей службы занимала у насъ самое скромное положение и если танцевала иногда отдѣльные небольшие вариации и морсеахъ dansants, то, во всякомъ случаѣ, отъ этихъ морсеахъ еще слишкомъ далеко до балерины. Если дирекція, выпуская г-жу Трефилову въ роли Свалльды, желала въ этомъ дебютѣ устроить для танцовщицы экзаменъ, то, во всякомъ случаѣ, въ нашей труппѣ есть не мало танцовщицъ, которыя заслуживаютъ подобнаго дебюта гораздо болѣе, чѣмъ г-жа Трефилова. Я не удивился бы, если бы, вмѣсто г-жи Трефиловой, была вынуждена г-жа Куличевская, Рыжикова 1-я, Сидова, Обухова, Егорова 2-я, Павлова 2-я или вообще кто-либо изъ нашихъ лучшихъ солистокъ, а вѣдь послѣ подобнаго дебюта остается только ожидать чередованія г-жи Ворхардтъ съ г-жею Леньяни, или г-жи Леоновой 1-й съ г-жею М. Клесинскою 2-ю. Кому, спрашивается, интересно смотрѣть на подобные „экзамены“ и „пробы“. Нельзя же изъ казеннаго театра дѣлать любительскій, и устраивать на образцовой сценѣ какіе-то открытые школьные спектакли, забывалъ, что зрители на этихъ спектакляхъ сидятъ не даромъ, но что съ нихъ взимаютъ по 5 руб. за кресло и по 15 руб. за ложу.

Что же сказать объ исполненіи г-жи Трефиловой?.. Я ограничусь краткими словами: кто видѣлъ въ „Коппеліи“ г-жъ Никитину, Цукки, Клесинскую 2-ю, Рославлеву и даже г-жу Преображенскую, того не можетъ интересовать исполненіе г-жи Трефиловой. Первый и третій акты у нея прошли очень слабо. Почти то же самое можно сказать и про второй актъ, за исключеніемъ лишь недурно исполненнаго ею танца оживленнаго автомата.

Въ общемъ же, балетъ прошелъ довольно оживленно. Публика много апплодировала всѣмъ исполнителямъ, не исключая самой г-жи Трефиловой. Нашлись даже цѣнители хореографическаго искусства, которые поднесли г-жѣ Трефиловой цвѣты...

Поставленный въ началѣ спектакля одноактный балетъ „Пробужденіе Флоры“ оставилъ болѣе цѣльное впечатлѣніе. Нужно поражаться тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлала за послѣдніе два года г-жа Павлова 2-я. Эга молодая артистка обладаетъ всѣми данными, чтобы въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться одною изъ лучшихъ нашихъ солистокъ.

Выдержанный стиль въ танцахъ, граціозность и увѣренность въ движеніяхъ, воздушность и прекрасная выработка техники,—все говоритъ за ея успѣхи. Почти все танцы г-жи Павловой 2-й вызвали единодушныя рукоплесканія.
Н. Ф.

* * *

Первый танцовщикъ петербургской балетной труппы г. Горскій переведенъ на должность балетнаго режиссера московскаго Большаго театра.

* * *

Нѣмецкая колонія въ Петербургѣ, остающаяся вѣрной значительной частью души своему Vaterland'у, съ признательностью встрѣтитъ открытіе постоянного нѣмецкаго театра въ Петербургѣ.

Открытіе сезона въ «новомъ нѣмецкомъ театрѣ», состоявшееся 8 сентября, носило торжественный характеръ. Спектаклю предшествовалъ національный гимнъ, исполненный труппою in сопрого, номера оркестра и «Прологъ», въ которомъ указывалось на высокія задачи нѣмецкаго театра «на Мойкѣ» въ дѣлѣ служенія чистому искусству. Для открытія была поставлена комедія «Укрощеніе строптивой». Вторымъ спектаклемъ шла народная комедія «Die Herren Sohne» постановщиковъ берлинскихъ театровъ гг. Вальтера и Штейна. Основная мысль пьесы — различіе міросозерцанія «отцовъ и дѣтей» въ семьѣ берлинскаго Bürger'a. Третьимъ спектаклемъ была поставлена новая пьеса Вагъ-Нухойса — «Gekaufte Liebe». Пьеса хотя и не блещетъ художественными достоинствами, но смотрится съ интересомъ; типы и положенія въ ней жизненны не смотря даже на то, что авторъ (или переводчикъ) внесъ въ нее большую дозу сантиментализма. Содержаніе пьесы — «обыкновенная исторія»: нѣкій Кордесъ, банкиръ, любя «бѣдную» красивую дѣвушку Дину (г-жа Меллини), женится на «богатой» Жаннѣ (г-жа Гутфельдъ)... для развитія своихъ банковыхъ операцій. Оскорбленная такимъ «неблагодарнымъ» поступкомъ Кордеса, Дина начинаетъ ненавидѣть отца своего ребенка Кордеса, но свою ненависть въ интересахъ ребенка скрываетъ.

Вдругъ дѣла Кордеса пошатнулись; въ то же время онъ узнаетъ о смерти своего ребенка; онъ спѣшитъ въ квартиру Дины, чтобы проститься съ трупомъ, а жена слѣдитъ за нимъ и тоже является къ Динѣ. Здѣсь раскрывается все: и тайная связь мужа съ Диною и предстоящій крахъ. Дина въ присутствіи Кордеса рассказываетъ Жаннѣ, что онъ женился на ней только потому, что она богата, но онъ ее не любилъ и не любитъ,—сцена довольно трогательная. Въ финальномъ актѣ все снова хорошо устраивается: жена прощаетъ мужа, продаетъ свои имѣнія для уплаты его долговъ, мужъ обѣщаетъ женѣ отнынѣ неразлѣжно ее любить, а Дина остается въ сторонѣ покинутой, оскорбленной, но честной, до того честной, что тѣ гроши, которые ею собраны за шесть лѣтъ для своего ребенка изъ денегъ Кордеса, она съ отвращеніемъ возвращаетъ своему соблазнителю. Банкира Кордеса игралъ г. Бекъ. Онъ — опытный артистъ съ довольно крупнымъ дарованіемъ и съ темпераментомъ, и обладаетъ при томъ внѣшними сценическими данными — звучнымъ голосомъ, хорошей дикціей и приличными манерами. Недостатокъ его заключается въ слишкомъ однообразной мимикѣ,

НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Г-жа Зихкли.
Г. Бекъ.
Г-жа Меллини.

Въ роли Жанны г-жа Гутфельдъ естественностью игры, вѣрной передачей настроеній и красивою сценическою внѣшностью произвела очень выгодное впечатлѣнiе, не смотря на недостатокъ въ произношеніи.

Г-жѣ Меллини, какъ первой въ труппѣ драматической актрисѣ, недостатокъ, во-первыхъ, гибкости, граціи, легкости движеній, во-вторыхъ, тонкости въ передачѣ и искренности; артистка играетъ страстно, но это страстность внѣшняя.

Въ игрѣ остальныхъ персонажей, кромѣ, конечно, г. Барша, артиста очень способнаго, и г. Тюмеля, видно еще много ученическаго, невѣрлаго.

Р.—ичѣ.

* * *

Намъ доставленъ отчетъ старорусской антрепризы за истекшій лѣтній сезонъ. Дирекціи М. Г. Шевченко и А. Ф. Новинскаго. Составъ труппы: г-жи Моравская, Крылова-Шевченко, Трубенка, Суревичъ, Яблочкина, Раевичъ, Бабошина, Александрова, Неолобина, Талина; гг. Шевченко, Новинскій, Аркунинъ, Борисовъ, Лебедевъ, Кастровскій, Федотовъ, Истоминъ, Шмыровъ, Дальковичъ. Суфлеръ Старовъ.

Всего дано было 40 спектаклей, въ числѣ коихъ 8 гастролей В. Н. Давылова. Валовой сборъ 10,000 рублей съ марками. Спектакли начались 25 мая и окончились 20 августа. Антреприза понесла убытку 735 руб.

* * *

Въ теченіи лѣтняго сезона въ г. Павловскѣ былъ организованъ кружокъ любителей, которые давали свои спектакли на сценѣ, вновь выстроеннаго открытаго театра на Западной улицѣ. Организаторомъ дѣла явились мѣстные обыватели В. П. Глушковъ и А. М. Трусовъ. Имъ принадлежитъ идея возникновенія труппы и организациі спектаклей въ пользу мѣстнаго попечительства. Театръ открытый, мѣстъ около 800, при чемъ 600 мѣстъ на скамейкахъ. Сцена довольно просторная, есть нѣсколько перемищъ декораций, складъ для бутафоріи, уборная для артистовъ. Въ теченіи сезона были поставлены пьесы Островскаго: «Бѣдность не порокъ», «Свои люди сочтемся», «Въ чужомъ пиру — похмѣлье», «Не въ свои сани — не садись»; «Виноная» Потѣхина, «Чудовище» Крылова, «До поры — до времени» и другія мелкія пьесы для дополненія программы спектаклей. — Наступившіе неожиданно въ августѣ мѣсяцъ холода и дожди заставили прекратить дѣятельность кружка. Организаторы В. П. Глушковъ и А. М. Трусовъ надеются, что явится поддержка ихъ добрымъ начинаніемъ и удастся въ будущемъ сезонѣ подвести мѣста подъ крышу и продолжать дѣятельность и осенью.

* * *

Театръ на Пороховыхъ. Театръ Охтенскихъ казенныхъ пороховыхъ заводовъ, или, какъ его называютъ для сокращенія, «театръ на Пороховыхъ» отстроенъ на казенныя средства лѣтъ пять тому назадъ.

Не смотря на то, что публика Охтенскихъ заводовъ нуждается въ театрѣ, до прошлой зимы всѣ антрепризы въ этомъ театрѣ прогорали. Только съ прошлаго года публика нѣсколько привыкла къ театру и антрепренеръ А. А. Ивановъ закончилъ сезонъ съ барышомъ.

Въ нынѣшнемъ году театръ сданъ тому-же г. Иванову. Для открытія сезона, состоявшагося въ воскресенье, 10 сентября, шла старинная мелодрама «Сестра Тереза». Въ заглавной роли выступила г-жа Макарова, выдѣленная на афишѣ въ красную строку. Однако, кромѣ нехлаго экстаза и нечеловѣческихъ выкриковъ, она ничего не показала. Гульельмина также едва-ли въ средствахъ г-жи Немерцаловой: однообразно-плаксивый тонъ, вялый артисткой, утомительно дѣйствовалъ на зрителей. Молодой артисткѣ гораздо больше удаются бытовые роли съ комическимъ оттѣнкомъ. Варвара («Гроза»), Глаша («Каширская старина») и т. п. роли — вотъ сфера ея дарованія. Г-жа Гопоркова (Джузеппа) напрасно такъ сгустила краски. Про Джузеппу въ ея исполненіи ужъ никоимъ образомъ нельзя было сказать, что она, по пословицѣ, мягко стелеть, да жестко спать.

Значительно лучше обстояло дѣло съ мужскимъ персонажемъ. Г. Молчановъ оказался удачнымъ исполнителемъ роли Густаво Эмпольи. Благородство манеръ, выдержанность тона, типичный гримъ — все это говорило въ пользу артиста. Эпизо-

дическую роль графа Дюбриеля очень весело сыгралъ г. Тимиревъ, удачно загримированный. Заслуживаютъ похвалы также г. Ивановъ (Теодоръ) и Андреевъ (Донато), обнаружившіе свободную непринужденность тона.

Обставлена пьеса съ внѣшней стороны очень недурно. Наиболее эффектна — сцена постриженія: несмотря на то, что вся она ведется на паузахъ, публика просматрѣла ее съ неслабѣвающимъ вниманіемъ, что, конечно, дѣлаетъ честь г. Иванову, какъ режиссеру.

В. Л.—й.

* * *

Намъ доставленъ отчетъ о спектакляхъ труппы г. Сабурова, при участіи г-жъ Воронцовой-Ленни и Грановской въ Тамбовѣ, Воронежѣ и Курскѣ: съ 3 августа по 3 сентября взята валовая цифра 12,785 руб.

* * *

Театръ Литературно-Художественнаго Общества открылся 15 сентября «Смертью Тарелкина» или «Веселыми расплюевскими днями», какъ эта пьеса иначе названа авторомъ. Маститый авторъ, руководившій репетиціями, присутствовалъ на спектаклѣ, и былъ предметомъ сочувственныхъ овацій. Авторъ раскланивался изъ ложи. Подробности о пьесѣ поговоримъ въ слѣдующемъ номерѣ.

* * *

Кружокъ любителей Павловскаго Попечительства.

Въ пятницу, 15 сентября, открылся сезонъ въ театрѣ «Фарсъ». Для перваго спектакля или «Графиня Дадо» и новый фарсъ «М-ме Короли и К^о», на который дирекція театра возлагала большія надежды. Однако, надежды эти едва-ли сбудутся, такъ какъ публика отнеслась къ новинкѣ довольно равнодушно. Изъ новыхъ артистовъ въ первомъ спектаклѣ выступили г-жи Кручинина, Морская и Лилина и г. Брянскій. Подробности откладываемъ до будущаго №.

* * *

Намъ пишутъ изъ Кіева. Въ засѣданіи думы былъ рассмотрѣнъ вопросъ о выборѣ антрепренера новаго городского театра. На закрытую баллотировку были поставлены три кандидата — г-жа Лубковская, кн. Церетелли и г. Бородай. Результатъ голосованія оказался слѣдующій: г-жа Лубковская получила 18 избирательныхъ и столько-же неизбирательныхъ голосовъ, кн. Церетелли — 9 избирательныхъ и 27 отрицательныхъ; наконецъ, г. Бородай — 20 избирательныхъ и 16 неизбирательныхъ. Такимъ образомъ театръ (на 6 лѣтъ) остался за М. М. Бородаемъ. Р. Соловцовъ, предъявившій свои условія для антрепризы, заявилъ, чтобы при баллотировкѣ его исключили изъ общаго голосованія.

Несмотря на рекламы столичныхъ рецензентовъ антрепризъ кн. Церетелли, кандидатура этого импрессаріо не встрѣтила особаго сочувствія. 27 и 9! Цифры характерныя.

Г. Бородай предложилъ плату въ размѣрѣ 24,000 руб. въ годъ, г-жа Лубковская и г. Соловцовъ по 15,000 р. и князь Церетелли — 12,000 руб. въ годъ, при этомъ послѣднимъ изъ нихъ внесены нѣкоторыя измѣненія въ условія, выработанныя театральною комиссіей и думою утвержденныя.

Изъ дебатовъ слѣдуетъ отмѣтить рѣчь небезызвѣстнаго г. Ярона.

«Г. Бородай, бесспорно, человекъ честный и съ природнымъ умомъ, ораторствовалъ авторъ театральныхъ «воспоминаній» я его знаю болѣе 25 лѣтъ. Свою театральную карьеру началъ онъ кассиромъ, вѣдѣмъ былъ бухгалтеромъ при театрѣ. Онъ — хороший театральный администраторъ, являясь прекраснымъ «передовымъ», т. е. лицомъ, развѣжающимъ по городамъ въ качествѣ представителя для организаціи представлений, но и только. Сама сцена чужда ему. Н. Н. Соловцовъ какъ-то выразился, что охотно бы взялъ г. Бородаю въ зрители своихъ театровъ. Есть ли у г. Бородаю состояніе — сомнѣваюсь. Не такой антрепренеръ нуженъ Кіеву, намъ нуженъ человекъ съ музыкальнымъ образованіемъ, интеллигентный, знающій хорошо вкусы кіевской публики. Такимъ лицомъ является одна лишь г-жа Лубковская».

По поводу этой рѣчи, не мѣшаетъ припомнить рѣчь г. Соловцова *про самого себя*, сказанную имъ на засѣданіи думы 7 сентября:

«Соловцовъ, какъ говорится, «характерный» человекъ, но, г-да, Соловцовъ прежде всего артистъ, прежде всего профессиональный служитель русскаго искусства, которое для него дороже всего, которому онъ посвятилъ свою жизнь и дѣятельность. Развѣ это не правда?.. А развѣ правда, то можете ли вы предполагать и думать, что желаніе Соловцова взять строицію кіевскій городской театръ можно объяснить какими-либо низменными мотивами! Вся прошлая дѣятельность говорить за него, а значить приписывать ему желанія просто зашибить копейку или что либо подобное прямо... оскорбительно...»

Вообще любопытное состязаніе...

* * *

Кромѣ «Преступленія и Наказанія» Я. А. Дельвера, разрѣшена передѣлка Г. Дьяконова, на тѣхъ же основаніяхъ, т. е. по ходатайству каждый разъ Театрального Общества, въ распоряженіе котораго пьеса предоставлена. Ангорскій гонораръ за передѣлку Г. Дьяконова также уплачивается агенту Театрального Общества.

* * *

Къ сезону въ провинціи.

Харьновъ. Открытіе драматическаго театра А. Н. Дюковой состоялось 15 сентября. Сообщаемъ полный составъ труппы: г-жи Александрова, Аморетти, Блюменталь-Тамарина, Бѣлова, Вѣльская, Галицкая, Дигирова, Долина, Дружинина, Зиновьева, Ивановская, Калмина, Кудрина, Мартынова, Свободина-Барышова, Турчанинова, Чаруская, Чернышева, Юрьева. Гг. Богатиковъ, Бѣжинъ, Бѣльскій, Глюске-Добровольскій, Діевскій, Добровольскій, Ильнорскій, Корнелъевъ, Лепковскій, Люднговъ, Людоміровъ, Невѣринъ, Песоцкій, Петровскій, Плотниковъ, Простовъ, Руссовскій, Стефановъ, Чадаевъ.

Асхабадъ. Съ 25 сентября въ городскомъ театрѣ начнутся спектакли труппы «Фарсъ», подъ управленіемъ г-жи Мухаринской и г. Никольскаго-Федорова.

Красноярскъ. Дума постановила отпустить средства для постройки народнаго дома, въ которомъ первое мѣсто будетъ театру. Для постройки ассигновано 50 т. руб.

Воронежъ. 31 августа закончились процѣльнымъ бенефисомъ г. Сабурова спектакли петербургской труппы «Фарсъ». Несмотря на холодъ и дождь, въ театрѣ было много публики. Воронежская публика тепло встрѣтила г. Сабурова. Отъ труппы было подано 2 серебряныхъ сервиза съ надписью: директору товарищу отъ труппы «Фарсъ».

Таганрогъ. Въ «Таганр. Вѣст.» читаемъ: Предсѣдатель театральной комиссіи разослалъ членамъ списки артистовъ и артистокъ, приглашенныхъ арендаторомъ городского театра Форкати, для участія въ таганрогскомъ театрѣ въ сезонъ 1900/1 года, «для обсужденія вопроса о качествахъ ихъ». Въ списокѣ этомъ показаны г. Форкати слѣдующія лица: мужской персоналъ: герой-любовникъ — Аркадьевъ, характерныя роли — Форкати, характерныя роли и резонеръ — Абловъ, фатъ — Нальскій, комикъ — Кондратьевъ, простакъ — Неллевъ, 1-хъ и 2-хъ любовниковъ — Рудинъ, — 1-хъ и 2-хъ резонеровъ, Ленскій-Самборскій, резонеръ и комикъ резонеръ — Сверчковъ; на вторыя и первыя роли Гардинъ, Некрышъ, Чинари, Смирновъ и Новиковъ. Женскій персоналъ: героиня — Писарева, грандъ-кокетъ — Ильнорская, нижнюю драмат. — Литовцева, индженю комич. и водевил. — Князева и Алексѣева, комич. и драмат. старуха — Пунова Шмидгофъ, вторая драм. стар. — Полонская, грандъ-дамъ — Цавлова, бытовыя роли — Филипповичъ, на вторыя роли — Ясубова, Любова и Казанская.

Интересно, какъ это гг. члены комиссіи будутъ обсуждать вопросъ о качествахъ: вѣдь это не водопроводныя трубы.

Симбирскъ. Составъ труппы опереточныхъ и оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ А. А. Тонни слѣдующій: женскій персоналъ — Н. Ф. Легаръ, Н. В. Терлецкая, Е. В. Зброжекъ-Пашковская, А. М. Марченко, М. М. Марусина, С. И. Монженъ, О. Н. Боровина, К. С. Рынальдо; мужской — А. Д. Писаревъ, П. П. Райскій, Г. К. Дагмаровъ, Л. Л. Поляновъ, И. В. Звягинцевъ, В. М. Викторевъ, И. М. Любова.

Владимиръ. Антреприза г. Бурлакова. Составъ труппы: В. С. Михѣева-Горская, О. И. Сумбатова, Э. Ф. Федорова-Мерцъ, Л. М. Эльдинова, М. А. Сосновская, Е. А. Зайцева,

А. П. Истомина, П. П. Далматова, Н. Г. Лакбутова, А. Л. Блюменбергъ (Бороздинъ), К. Н. Федоровъ, А. Н. Кудрявцевъ, И. П. Громскій, К. И. Бороздинъ-Постниковъ, В. Э. Бурлаковъ, И. И. Смирновъ, Р. М. Гурко и В. Я. Ясинскій.

Нижній-Новгородъ. Сезонъ въ городскомъ театрѣ начнется 17 сентября. Для открытія спектаклей пойдетъ «Каширская старина» съ слѣдующимъ распределеніемъ ролей: Марица — г-жа Лермина, Глаша — г-жа Трубецкая, Дарьяца — г-жа Нелюбовская, Перепелиха — г-жа Марина, Василий — г. Соколовъ, Парфень — г. Вольскій, Бородавка — г. Большаковъ и Живуля — г. Грузинскій. Для второго спектакля намѣчена «Казнь» (Кэтъ — г-жа Пшесецкая и Викентій — г. Гедике). Третьимъ спектаклемъ пойдетъ «Джентльменъ» (г. Незлобинъ). Новая дирекція (г. Незлобина) дѣлаетъ нѣкоторыя нововведенія. Такъ, напримѣръ, артисты не будутъ выходить на афишодисменты публики въ срединѣ акта; репертуаръ будетъ объ-являться на пѣлую недѣлю впередъ. Въ слѣдующее воскресенье послѣ открытія сезона данъ будетъ первый общедоступный спектакль для учащихся. Пойдетъ, вѣроятно, «Бѣдность не порокъ».

Нижній-Новгородъ. Оперные спектакли М. Ф. Салтыкова въ Большомъ ярмарочномъ театрѣ за истекшую ярмарку дали валового сбора 27 тыс. руб. Изъ слѣдующихъ владѣльцу театра Н. Н. Фигнеру 7 тыс. руб. г. Салтыковъ удержалъ 2 1/2 тыс. руб. въ виду того, что въ истекшую ярмарку было примѣнено распоряженіе о воспрещеніи театральныхъ представлений наканунѣ большихъ праздниковъ. Очень простое разрѣшеніе вопроса.

На ярмарку 1901 г. театръ пока еще никому не данъ. Претенденткой является г-жа Лубновская изъ Кіева. Какъ говорятъ, Н. Н. Фигнеръ предполагаетъ самъ составить оперную труппу.

Нижній-Новгородъ. Правительственная комиссія, осматривавшая на-дняхъ ярмарочный театръ, рѣшила впродъ воспретить спектакли въ этомъ театрѣ, если не будутъ произведены нѣкоторыя капитальныя перелѣвки въ зданіи театра.

Нишневъ. Народная аудиторія слана въ аренду антрепренеру Труфи на 5 лѣтъ, по 7000 руб. въ годъ, при чемъ комитетъ трезвости выговорилъ себѣ воскресные дневныя народные спектакли и 50 «собесѣдованій», вѣроятно, тоже дневныхъ. Такимъ образомъ, народная аудиторія совершенно утрачиваетъ свое значеніе, какъ народнаго театра, тѣмъ болѣе, что самыя дешевыя мѣста, назначенныя антрепризой, стоятъ 40 коп.

Ташкентъ. Въ Ташкентѣ пріѣхала на 20 спектаклей драматическая труппа, подъ управленіемъ К. А. Горталова-Карчанскаго. Составъ труппы: гг. Горталовъ-Карчанскій, Спарскій, Чардымскій, Леонидовъ, Смирновъ, Ивановъ-Лирскій, Эллипскій, Скатовъ, г-жи Чардымская, Булатова, Энгардъ, Лелина, Валерина, Горская.

Могилевъ губ. Въ 37 № нашего журнала было напечатано, что театръ въ Могилевѣ губернскаго снитъ г-жею Малиновскою. Это — описка. Театръ снятъ г-жею Калмыковой С. А. для оперетки и драмы. Составъ труппы: Калмыкова С. А.; Соколова П. С.; Шадурская М. Н.; Ростова А. Н.; Калиновская Ф. И.; Карташева В. М.; Стрѣльскія Ю. Н.; Лутковскій Ю. А.; Давыдовъ М. Г.; Валимовъ Г. В.; Гренингъ П. П.; Никольскій И. К.; Броннигъ и др. Капельмейстеръ г. Кундтъ. Режиссеръ М. И. Онѣгинъ. Сезонъ открывается 1 октября «Бѣшенными деньгами».

Верчъ. 28 сентября состоится открытіе сезона въ мѣстномъ городскомъ театрѣ. Составъ драматическаго товарищества, подъ упр. М. А. Борисовой, слѣдующій: г-жи Борисова, Изборская, Каренина, Стронская, Муратова, Куликовская, Трубецкая, Новикова, Боярова, Полинова, и др. Гг. Мирскій, Кореневъ, Ланко-Петровскій, Невскій, Яковлевъ, Бояровъ, Ростодцевъ-Миролюбовъ и др.

То же товарищество только на-дняхъ закончило спектакли въ г. Ананьевѣ и Могилевѣ. На рублевую марку пришлось по 81 к.

Харьновъ. Съ 10 сентября въ театрѣ коммерческаго собранія начались гастроли Горовой.

Тотъ же театръ на будущую Пасху снятъ антрепренеромъ П. М. Зурабовымъ для оперы, въ составъ которой войдутъ: г-жи Паччини, Папаянъ, Азерская, Микуччи, гг. Клементень, Яковлевъ, Борисенко, Свѣтловъ и др.

Астрахань. Антреприза Е. П. Добротини. Драма и оперетка. Въ составъ труппы вошли: г-жи Чельская, Добротини-Дубровская, Добротини, Жулинская, Щегинина и др.; гг. Вилинскій, Самринъ, Задольскій, Панинъ, Щегининъ, Кашевскій, Шербаковъ, Берсеньевъ, Коринскій и др. Режиссеръ драмы: г. Самаринъ, режиссеръ опереты И. А. Шербаковъ. Капельмейстеръ А. С. Апрульскій.

Рига. Русская драматическая труппа въ залѣ «Улей» начнетъ спектакли въ концѣ сентября. Составъ труппы: г-жи Дарьятъ — сильно драмат. и кокетокъ, Синельникова — ingénue драмат. Андриана — вторая ingénue, Пивоварова — грандъ-дамъ, Нининская — комическая старуха, Мельникова — вторая грандъ-дамъ, Качинская — вторая старуха, Блюменталь — вторыя роли и другія. Мужской персоналъ: гг. Петровъ-Краевъ

скій — героическ. роли, Шмидтгофъ — комикъ-резонеръ и буффъ, Крамовъ — комикъ-буффъ, Свитовъ — любовникъ-фатъ, Молчановъ — проstackъ, Полетаевъ — резонеръ, Ячменниковъ — второй комикъ, Духовской — молодыхъ людей и другіе. Г. Матковскій — режиссеръ.

Маленькая хроника.

*** Намъ доставлена слѣдующая афиша „Измаила“, педшаго въ Самарѣ у г. Медвѣдева. Въ своемъ родѣ документъ исторіи. Переименовано 26 сценъ. 1. Сцена 1. Враги отечества. 2. Адъютантъ свѣтлѣйшаго. 3. Военный совѣтъ. 4. Миѣнне графа Рум.-Задунайскаго. 5. Курьеръ отъ Императрицы. 6. Вѣсть о заключеніи мира Россіи со Швеціею. 7. Рапортъ контръ-адмирала Ушакова. 8. Пиръ у свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврич. 9. Неудачи войскъ генерала Самойлова. 10. Враги отечества (во второй разъ?). 11. Пѣсни родины. 12. Приказъ Суворову штурмовать Измаилъ. 13. Сборъ войска. 14. Въ походъ на Измаилъ. 15. Лагерь свѣт. кн. Потемкина. 16. Секретныя донесенія генерала - аншефа Суворова. 17. Фельдмаршальское слово. 18. Экстренный посолъ къ ген.-аншефу Суворову. 19. Предательница! 20. Тоскъ за здравіе Великой царицы. 21. Первый пушечный выстрѣлъ. 22. Штурмъ Измаила. 23. Невинно осужденный. 24. Пожаръ Измаила. 25. На волосокъ отъ смерти. 26. Рапортъ ген.-анш. Суворова о взятіи Измаила.

Это подробное переименованіе сценъ — самый краснорѣчивый критическій атестатъ произведенію г. Бухарина...

*** Нерѣдко съ господами рецензентами случаются непредвидѣнные казусы, въ родѣ того, что критическій отзывъ, въ подробностяхъ разбирающій пьесу, игру и „колеровку“ ролей, появляется въ утреннихъ газетахъ, несмотря, напримѣръ, на то, что пьеса наканунѣ была отмишена. У „опытныхъ“ рецензентовъ не мало такихъ грѣховъ на совѣсти. Подобный случай въ наше время вызываетъ гнѣвъ редактора, досаду рецензента и гомерическій хохотъ публики. Но встарину „вето, что нынѣ“. Люди-ли были правдивѣе или узда больша, но дѣло такъ легко не кончалось. Однажды въ 40-хъ годахъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ появился отзывъ о спектаклѣ итальянской оперы, при чемъ точно сообщалось, что Вярдо Гарсія получила „два роскошныхъ букета при восторженныхъ рукоплесканіяхъ публики“. Подъ статьей красовалась подпись фельетониста Сорокина. Когда Императоръ Николай I узналъ что представленія никакого не было, онъ безъ дальнихъ словъ велѣлъ посадить Сорокина на недѣлю на гаутваху... Сорокинъ оправдывался тѣмъ, что писалъ о репетиціи спектакля. Это, очевидно, выдуманное оправданіе такъ разсердило министра двора, что онъ запретилъ постороннимъ бывать на репетиціяхъ.

„Рецензентская гаутвахта“ была бы, время отъ времени, не лишней и теперь, но разумѣется, для болѣе серьезныхъ случаевъ.

*** Известно, что въ Киевѣ живетъ приватъ-доцентъ Петръ Ивановичъ Грѣнь, занимающійся совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ. Работы-ли немного въ Киевскомъ университетѣ, или упрямота у г. Грѣна много, но только каждое мало-мальски выдающееся событіе находитъ живой откликъ въ произведеніи этой приватной музы. Загорѣлась война въ Трансваалѣ.—И г. Грѣнь пишетъ драму „Генераль Кронъ на островѣ Св. Елены“. покойный Соловьевъ заговорилъ объ Антихристѣ—появляется драма „Антихристъ“, при чемъ мѣсто дѣйствія происходитъ вѣду; строили Троицкій мостъ, чествовали въ Ярославлѣ Волкова, похоронили Ленни, ругали Боброва, вздорожалъ сахаръ и „спасли“ посланниковъ—на все у г. Грѣна „откликъ въ воздухѣ пустою родится вдругъ“... И при всемъ томъ, нѣкоторыя произведенія этого единственнаго въ мірѣ приватъ-доцента, „неоконченны“;—напримѣръ, драма подъ названіемъ... „Угошуйарибадаракабра“. Въ пору одно заглавіе закончить? Недавно вышелъ сборникъ произведеній г. Грѣна. Для характеристики этого графомана приватъ-доцента приведемъ выдержку изъ монолога Лорда Робертса, въ которомъ говорится о Кронъ:

И мнитъ себѣ, что онъ Наполеонъ,
Да, посадить его-бъ на буровъ тронъ!
Онъ былъ-бы имъ царемъ-отцемъ, но все-жъ
Не замолитъ насмѣшкой то, что ужъ
Испортитъ ты родной страны престижъ.

Сдѣлаемъ маленькую перефразу и скажемъ, обращаясь къ г. Грѣну, такъ: посадить его-бъ на вздоровъ тронъ!

Письма въ редакцію.

М. Г. господинъ редакторъ! Покорнѣйше прошу, въ интересахъ Русскаго Театральнаго Общества, дать мѣсто въ Вашемъ журналѣ моему письму.

16-го истекшаго августа, въ г. Архангельскѣ, былъ «прежде-временно», какъ гласило воззваніе г. агентовъ Русскаго Театральнаго Общества, законченъ сезонъ и потому приглашались къ посѣщенію 3-хъ драматическихъ спектаклей отзывчивыя лица г. Архангельска, чтобы дать возможность оставшимся членамъ комической труппы уѣхать изъ города.

Не знаю, по чьей просьбѣ г. агенты пустили такое воззваніе, скажу, что мѣра эта была чрезвычайной и ввиду безобразій, творившихся въ труппѣ на глазахъ у публики даже и въ эти спектакли, къ ней прибѣгать не слѣдовало; но, такъ или иначе, а отзывчивыхъ людей нашлось настолько, что покрылись вечеровые расходы и очистилось 70 руб. да еще при соединивъ къ нимъ 28—30 р., полученныхъ г. полиціймейстеромъ отъ лицъ, не пожелавшихъ посѣщать эти спектакли, вышла сумма въ 100 руб. Нужно-же было для 18 человекъ, на билеты до Москвы, по 10 р. на человѣка, какъ предложено было полиціймейстеромъ—180 руб.; недоставало 80 р., и недостающая сумма была дана заимобразно полиціймейстеромъ до предполагавагося черезъ недѣлю любительскаго спектакля.

По пріѣздѣ въ Москву, я узнаю изъ 35-го № журнала «Театръ и Искусство», что агентъ телеграфировалъ въ Совѣтъ Театральнаго Общества о высылкѣ по 8 р. 60 к. 24 человѣкамъ! Выходитъ 200 р. Ходатайство это удовлетворено.

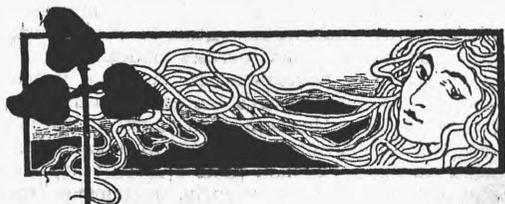
Странно, по чьему заявленію г. Берваль послалъ телеграмму о помощи. По моему, подобныя требованія отъ агентовъ должны-бы подкрѣпляться двумя подписями ивъ труппы и обязательно членовъ Общества, которыхъ въ труппѣ Карташева было 4 челов. Заявлялъ-ли Карташевъ, не знаю, но отъ остальныхъ заявленія агенту не было, потому что и нужды особой не было; нуждались человекъ 6—7 не больше, а остальные только причиняли хлопоты полиціи, которая чувствовала себя въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтственной за допущеніе антрепризы безъ залага.

Евг. Бронинъ.

М. Г. г. редакторъ! Въ послѣднемъ номерѣ Вашего журнала была напечатана статья о субсидированіи городовъ Западнаго края. Обстоятельства, касающіяся минскаго театра, переданы не совсѣмъ вѣрно. Прежде всего, насколько мнѣ извѣстно, городской театръ пяти-тысячной субсидіей не пользуется, а если и есть какая-либо субсидія, то не болѣе одной-двухъ тысячъ, идущихъ главнымъ образомъ на ремонтъ театра и обзаведеніе городскимъ театральнымъ имуществомъ. Такимъ образомъ о полученіи мною какой-либо субсидіи отъ дирекціи не можетъ быть и рѣчи.

Не обладая надлежащей субсидіей, дирекція не имѣетъ возможности предоставлять театр труппамъ безвозмездно, и всѣ играющія въ Минскомъ театрѣ труппы уплачиваютъ непосредственно дирекціи отъ 3 до 6% съ валового сбора за пользование зданіемъ, прислугою, рабочими, декораторомъ, холстомъ, красками и т. п. Никакимъ контрагентомъ въ смыслѣ эксплуатаціи театра я не состоялъ, а шель исключительно навстрѣчу дирекціи своимъ трудомъ и добрымъ указаніемъ за чрезвычайно внимательное и въ высшей степени предупредительное отношеніе дирекціи ко всѣмъ труппамъ вообще, и къ гастрольнымъ спектаклямъ труппы Малаго театра (за послѣдніе 3 года) въ особенноти. Не желая быть голословнымъ, предоставляю навести справки въ минской дирекціи. Примите и проч. М. Строевъ.

Отъ Редакціи. Это письмо, которое мы напечатали съ маленькими сокращеніями, очень характерно. Г. Строевъ утверждаетъ, во-первыхъ, что никакой субсидіи нѣтъ; во-вторыхъ, что если она и есть, то въ размѣрѣ одной—двухъ тысячъ (кому же она идетъ, однако?); и въ-третьихъ, что не будучи контрагентомъ, онъ, идетъ навстрѣчу минской дирекціи. Это напоминаетъ извѣстный анекдотическій отказъ отъ водки: „во-первыхъ, я не пью, во-вторыхъ, я уже выпилъ, а въ-третьихъ, налейте“. Письмо г. Строева насъ мало убѣждаетъ.

А. В. Сухово-Кобылинъ на репетиціи.
(Набросокъ съ натуры Юса Боплого).

Изъ Москвы.

Сезонъ пошелъ полнымъ ходомъ, и—небывалое, неожиданное явление!—въ самомъ центрѣ театральнаго интереса оказался Новый театр. Что правду таить, онъ до сихъ поръ былъ не въ очень большой чести у публики, и особенно у театальной критики. Совсѣмъ Сандрильона въ семьѣ нашихъ театровъ. Съ самаго начала ему не повѣрили, и такъ онъ и остался подъ гнетомъ этого недо-вѣрія. Vox populi давно утратилъ, если только когда-нибудь имѣлъ, непогрѣшимость vocis dei. Но онъ по-прежнему силенъ, его не перекричишь. Да «руководителя общественнаго мнѣнія» и не очень старались напрягать свои легкія. Напротивъ. Нѣкоторые газетные милостивые государи точно чему-то обрадовавшись, поспѣшили сдѣлать Новый театръ главною темою своего зубоскальства и мишенью своего остроумія. Установился какой-то злобно-ироническій взглядъ на этотъ симпатичный по своей идеѣ театр, въ нѣкоторомъ родѣ московскій Odéon. Стрѣлы сатиры летѣли въ молодой силы, преобладающія въ этомъ театрѣ, и въ газетной атмосферѣ тучей висѣла отборная брань. Почему? За что? Я до сихъ поръ никакъ не разберу. Молодое поколѣніе всегда—предметъ особенно заботливой, попечительной любви, потому что оно—наше будущее. Оно неуверенно, спотыкается, ошибается, на то оно и молодое поколѣніе. Не накопился опять, бродячь силы, княжить увлеченія. Наши заботы, любовь, терпимость должны помочь молодежи. А между тѣмъ на молодежь Новаго театра, работающую со страстностью и восторгомъ юности и далеко необдѣленную талантами, почему-то съ яростью набросились. Иногда для этого приходилось передергивать, подтасовывать факты, клеветать. Не останавливались и передъ этимъ. У насъ не принято стѣсняться такими пустяками. Со всѣхъ сторонъ какъ могли, тормозили дѣло Новаго театра. Сколько нужно было любви къ дѣлу, энергія, выдержки, чтобы не махнуть безнадежно рукою, а продолжать и, наконецъ, пробить-таки дорогу среди этого недо-вѣрія, преврѣнія и злобы! И теперь, она, кажется, пробита. Новый театръ одержалъ

большую побѣду. Даже враги заговорили другимъ языкомъ. Въ театальной жизни Москвы это фактъ безусловно крупнаго значенія и доброе предзнаменованіе для начинающаго сезона.

Побѣду одержала «Снѣгурочка». О самой пьесѣ мнѣ не для чего долго распространяться. Я въ правѣ предполагать, что эта «сказка» Островскаго хороша знакомъ каждому. Это—одна изъ прекраснѣйшихъ жемчужинъ русской драматургіи. Напиши такую пьесу нѣмецъ, ее въ Германіи изучали-бы въ средней школѣ, ее знали-бы отъ перваго до послѣдняго стиха наизусть. Какой кладъ художественной красоты, очаровательнаго юмора, глубокихъ наблюденій! Въ бытописательнѣ купеческихъ и чиновничьихъ буденъ, какимъ преимущественно рисуется каждому Островскій, притаился большой поэтъ. И въ «Снѣгурочкѣ» этотъ поэтъ далъ полный просторъ своей фантазіи, своему лиризму, роскоши красокъ и чувствъ; наконецъ, своей искренней любви къ родной старинѣ, потому что «Снѣгурочка»—апоэозъ этой старины. Прекраснѣйшее отраженіе славянофильства, потому что оно было у автора «Снѣгурочки» не тенденціей, а чувствомъ. «Снѣгурочка» полна весенняго аромата, и онъ пьянитъ каждого, кто еще не убилъ въ себѣ способности отзываться на истинно-художественныя впечатлѣнія. Нужно слишкомъ зачерствѣть, по уши увязнуть въ повседневной пошлости, оторваться отъ своего народа, съ его стариной, оглохнуть и не слышать звуковъ жизни, чтобы глядѣть на героевъ этой прекрасной въ своей наивности «сказки» со скукою и равнодушіемъ. Нужна великая «остуда» въ сердцахъ, о которой такъ печалется прекраснотонный и сладкогласный царь Берендѣевъ,—апоэозъ патріархальнаго быта,—чтобы не наслаждаться обществомъ Снѣгурочки, Лели, Купавы, Мизгири, Весны, Мороза. И какая великая загадка творческой души! Эту юношескую драму написалъ старикъ, тучный, съ одышкой, усталый отъ жизни и работы, кавалось-бы исчерпанный лучшія свои силы рядомъ другихъ, совсѣмъ въ иномъ строѣ писанныхъ произведеній. Но всѣ эти произведенія не тронули одного уголка въ творческомъ геніѣ Островскаго, и онъ полностью, во всемъ своемъ богатствѣ, вылился въ «Снѣгурочкѣ». Островскій—гордость русской драматургіи. Еще очень долго театръ будетъ жить имъ, хотя торопливая, то и дѣло мѣняющаяся форма, жизнь успѣла уже отодвинуть назадъ многіе изъ его типовъ и сдѣлала анахронизмомъ многія изъ изображенныхъ имъ отношеній. Говоря правду, кое-какія комедіи Островскаго уже и сейчасъ представляютъ большіе интересъ историческій и историко-литературный, зато безсмертіе истинное въ полной мѣрѣ обеспечено «Снѣгурочкѣ». Какъ ея дѣйствіе—внѣ пространства и времени, такъ и ея красота, и ея слава.

Я не знаю, когда Островскій, подавшись порывамъ вдохновенія, писалъ, въ промежутокъ между «Комикомъ» и «Позднею любовью», свою «Снѣгурочку»,—очень-ли онъ рассчитывалъ на ея сценическую постановку. По крайней мѣрѣ, онъ мало считался съ нею. Думается, что онъ писалъ свою сказку съ полной беззаботностью насчетъ подмостковъ, больше рассчитывая на непосредственное воспріятіе фантазіи читателя. Не въ томъ вовсе дѣло, что пьеса полнымъ полна всякихъ обстановочныхъ чудесъ и головоломныхъ задачъ для mise-en-scène, вродѣ постепеннаго таинія Снѣгурочки на глазахъ у зрителя. Техника сцены доведена до высокой степени совершенства, и ей все по силамъ. Но «Снѣгурочка» написана въ неумовимонѣжныхъ очертаніяхъ, трогательна-прекрасна прежде всего своею мягкою поэзіею. «Овеществляя» ее на подмосткахъ, такъ легко ее огрубить, и въ погонѣ за сохраненіемъ фантастичности, подмѣнить эту послѣднюю фееріею. Отъ сколько-нибудь грубаго прикосновенія рукъ декораторовъ, машинистовъ облетаютъ всѣ лепестки этого нѣжнаго цвѣтка. Наконецъ, все дѣйствіе «Снѣгурочки»—по истинѣ внѣ времени и пространства, въ туманномъ царствѣ грезъ. А сценическая постановка—она прежде всего хочетъ опредѣленности. Вотъ, на примѣръ, Художественный театр, который тоже готовитъ «Снѣгурочку», начинаетъ ея свой сезонъ,—тогъ почему-то рѣшилъ, что дѣйствіе пьесы на нашемъ крайнемъ сѣверѣ, въ Архангельской губерніи, и снарядилъ цѣлую полярную экспедицію за оригиналами для костюмовъ и бутафоріи и за мотивами для декораціи. Мы увидимъ цѣлую этнографію въ лицахъ. И я увѣренъ, будетъ интересно. Художественный театр—большой молодецъ по этой части. Исторія-ли, этнографія, археологія—придаться не къ чему, хоть съывайте цѣлый международный конгрессъ. Только, собственно къ «Снѣгурочкѣ», вся эта этнографія имѣетъ слишкомъ малое отношеніе. Ставящему «Снѣгурочку» предстоитъ трудная задача: придать конкретной постановкѣ возможную поэтичность, найти среднее между фантастичностью сказки и реализмомъ сцены и дать иллюзію всѣхъ этихъ волшебныхъ причудъ пьесы, не впадая въ враждебную художественности феерію. Для такихъ задачъ нуженъ режиссеръ-художникъ, со вкусомъ и тактомъ, который-бы зналъ сцену и ея условія, но не былъ рабомъ ихъ.

Скажу также, безъ оговорокъ, что А. П. Ленскій, ставившій на Новой сценѣ «Снѣгурочку», оказался такимъ режиссеромъ въ полной мѣрѣ. И если является загадкой, какъ могъ старикъ Островскій написать такую юную по настрою-

нью пьесу, такой могучій гимнъ любви, красотѣ и природѣ, то такую же загадкой представляется на мой взглядъ какъ могъ далеко не юноша Ленскій, съ сѣдой головой, дать такую юную чарующую непосредственность, отличающуюся свѣжестью, вкусомъ и фантазійей. «Снѣгурочка» на сценѣ Нового театра осталась въ полной мѣрѣ «Снѣгурочкой» Островскаго, сохранивъ всю свою нѣжность и скачущую неувловимость. Кое-какіе промахи, то декоративные, то постановочные, то въ самомъ исполненіи, не ослабили впечатлѣнія.

Кто пришелъ на спектакль за чудесами постановки, за роскошью фееріи, былъ, вѣроятно, разочарованъ и отвѣтилъ на всѣ впечатлѣнія спектакля лѣнливо-равнодушнымъ «ничего особеннаго». Даже Снѣгурочка не растаяла, а просто въ нужный моментъ искусно скрыла ее толпою. Въ балетѣ куда занимательнѣе!.. Это—приговоръ не надъ постановкой, но надъ произносящимъ сужденіе. Для умѣющихъ чувствовать и цѣнить красоту въ этомъ «ничего особеннаго»—лучшая похвала спектаклю. Были и чудеса, всякія превращенія. Валились дубы, заграждая путь обезумѣвшему Мизгирю, закигались фосфорическими огнями чаша запольднаго лѣса, слеталась къ Веснѣ ея пернатая свита, появлялся юный Ярило съ горѣвшимъ огнями ржанымъ снопомъ, искрилась на морозѣ снѣгомъ Красная горка, и мигалъ лѣнивыми огоньками за рѣкой Берендѣевъ посадъ, выходила изъ тихихъ водъ озера у Ярилиной горы красавица Весна въ уборѣ изъ цвѣтовъ. Но все это не кричало о себѣ, не дѣлало назойливо въ глаза, не дразнило празднаго любопытства. Все это были только части одной общей картины, которой сущность—поэзія, красота, гармонія. Зритель чувствовалъ всю прелесть пейзажей, среди которыхъ проходитъ дѣйствіе сказки и былъ захваченъ нужными настроеніями. Онъ не поражался фокусами машиниста и выдумкой декоратора, онъ забывалъ о нихъ. Когда смотришь картину виртуоза кисти, говоришь: «какъ хорошо написано!»; когда смотришь картину истиннаго художника восклицаешь просто: «какъ хорошо!» Вотъ тоже и съ постановкой «Снѣгурочки» на Новой сценѣ. И если наслажденіе красотой, независимо отъ всякихъ выводовъ, идей, поученій,—благоутворно, въ чемъ, къ сожалѣнію сильно сомнѣвались наши отцы, то—«Снѣгурочка» не пройдетъ безслѣдно для Москвы.

Изъ отдѣльныхъ частей постановки—я все время понимаю ее въ широкомъ смыслѣ, какъ совокупность средствъ, воссоздающихъ пьесу—особенно удачна вся сцена въ палатахъ царя Берендѣя, гдѣ декорация нѣсколько во вкусѣ рисунковъ Соллогуба, и гдѣ причудливое сочетаніе стилей, мастерская группировка толпы и, въ дополненіе, истинно-гениальный музыкальный аккомпаниментъ Чайковскаго. Пѣніе слышцовъ, жалобы Купавы царю, появленіе Снѣгурочки, разговоръ дѣтей тихимъ шопотомъ—сѣдого какъ лунъ Берендѣя и серебристаго ландыша—Снѣгурки, эта наклоняющаяся къ нимъ въ благоговѣйномъ молчаніи пестрая толпа берендѣевъ, и финальный торжественный хоръ о счастья народа и царствующей подъ скипетромъ Берендѣя свободы,—все это заворожило даже мало податливую на такія впечатлѣнія толпу московскаго зрительнаго зала и разрѣшилось бурей оваціи. Прекраснѣйшія страницы прекрасной пьесы нашли столь-же прекрасное сценическое воплощеніе. Отмѣчу еще всѣ сцены въ таинственной глуши запольднаго лѣса, то овареннаго алымъ закатомъ, то потонушаго въ синемъ ночномъ туманѣ, то еле-еле засеребривашаго на разсвѣтѣ, великолѣпную по богатству красокъ сцену финала, на Ярилиной горѣ и заключающей пьесу торжественный гимнъ красному солнцу, съ растянувшейся по горѣ толпой берендѣевъ. Блѣднѣе другихъ вышелъ актъ въ зарѣчной слободкѣ Берендѣевъ, да еще проводы масленицы въ прологѣ, гдѣ въ суетѣ и шумѣ толпы чувствовалась театральность, искусственность, и какъ-то диссонансомъ звучали напряженныя интонаціи длиннаго монолога чучела Масленицы. вмѣсто юмора былъ пафосъ, да еще плохо удававшійся декламировавшему монологу.

Въ общемъ, отлично справились молодая сила и съ отдѣльными ролями. Были совсѣмъ удачны, были и послабѣе, въ несовсѣмъ вѣрно взятомъ «густомъ» тонѣ, напр., Мизгиря. Но общее заслуживаетъ полной похвалы. Особенно удалась Снѣгурочка, въ которой я видѣлъ въ два послѣдовательныхъ спектакля г-жъ Садовскую 2 и Селиванову. Общая схема роли у обѣихъ исполнительницъ одинаковая и намѣченная, несомнѣнно, въ своихъ главныхъ очертаніяхъ режиссеромъ. Но въ эти рамки каждая внесла свою индивидуальность. Въ Москвѣ любители пикантнаго поспѣшили сдѣлать изъ этого исполненія одной роли двумя молодыми артистками родъ какого-то конкурса. О немъ, конечно, никто и не помышлялъ въ театрѣ. «Снѣгурочка» будетъ боевой пьесой сезона, выдержитъ длинный рядъ спектаклей, и какой-нибудь одной молодой артисткѣ, слишкомъ тяжело вынести на своихъ плечахъ бремя всѣхъ этихъ спектаклей. Я не стану, конечно, становиться на эту точку зрѣнія конкурса. Отмѣчу лишь въ самыхъ короткихъ чертахъ нѣкоторыя особенности каждаго исполненія, во многомъ сходнаго и выдвигающаго замѣтно впередъ и ту, и другую артистку.

Снѣгурочка обѣихъ исполнительницъ—милое, трогательное своею чистою наивностью дитя, полное поэзіи. Каждое ея появленіе вызываетъ у всѣхъ невольную улыбку нѣжнаго сочувствія. Зритель съ самаго начала любитъ Снѣгурочку,—и въ этомъ первая прекрасная сторона обѣихъ исполненій. Но Снѣгурочка г-жи Садовской съ пролога уже таитъ въ себѣ зародышъ грусти. Она лиричнѣе. Снѣгурочка г-жи Селивановой вначалѣ жизнерадостнѣе, беззаботнѣе. Грусть еще невѣдома ей. Только дитя. И оттого первая огорченія, причиняемая Лелемъ, у первой Снѣгурочки обостряютъ грусть, вторая на нихъ отвѣчаетъ скорѣе досадой, дѣтскимъ капризомъ. Первое толкованіе выгоднѣе и очень удается артисткѣ, второе—смѣлѣе, рискованнѣе въ этой сценѣ. И вслѣдствіе той-же разницы въ исходной точкѣ, дальнѣйшее душевное состояніе Снѣгурочки у первой развивается послѣдовательнѣе, у второй—съ большей сложностью. Первая цѣлнѣе, но нѣсколько однотонна, вторая—интереснѣе, только кое-гдѣ чувствуются скачки. Оттого чудодѣйственный вѣнокъ Весны въ первой Снѣгурочкѣ лишь еще больше отгѣняетъ прежнія дѣвичьи настроенія, во второй же дѣлаетъ цѣлый переломъ и превращаетъ дѣвочку въ женщину. Переломъ этотъ артистка передаетъ съ большою яркостью, съ сильнымъ чувствомъ, со всѣмъ трепетомъ проснувшейся для любви души. Таковы различія исполненія, мною умышленно, ясности ради, подчеркнутыя. Обѣ артистки могутъ гордиться своей побѣдой надъ трудной, при кажущейся простотѣ, ролью и тѣмъ шумнымъ успѣхомъ, какой онѣ въ ней имѣютъ, какъ заслуженной наградой за талантъ и трудъ.

Мое письмо разрослось. Я поневолѣ буду очень кратокъ въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ другихъ исполнителей. Я уже отмѣтилъ ненужно сгущенныя краски Мизгиря—г. Садовскаго 1. Изъ-за нихъ слабо проглядываетъ удалая, широкая натура, которой все ни по чемъ, въ которой хмѣль юности и голюсь крови глушатъ всѣ другіе голоса. Правда, Мизгирь кончаетъ самоубійствомъ. На мой взглядъ, поэтъ отдѣлился отъ своего героя искусственно, не въ духѣ всей пьесы, а особенно ея финала. Во всякомъ случаѣ, врядъ-ли слѣдуетъ эту развязку драмы Мизгиря принимать слишкомъ близко къ сердцу, еще меньше—дѣлать ее исходною точкою при освѣщеніи всей роли. Но планъ свой артистъ выполнилъ послѣдовательно, былъ въ исполненіи страстенъ и, къ тому-же, вѣншній образъ далъ прекраснѣй. Нѣсколько понижена жизнерадостность и Леля, г-жи Турчаниновой. Съ яркимъ комизмомъ, нигдѣ однако не впадая въ шаржъ, играетъ Бобыля г. Парамоновъ. Съ большою мягкостью и задумчивостью ведетъ знаменитую сцену съ царемъ Купава—г-жа Юдина. На первомъ спектаклѣ она излишне драматизировала въ сценѣ съ Мизгиремъ, но во второй спектакль и тутъ была нужная мягкость и ровность. Очень выдержанъ царь Берендѣй у г. Федорова; только нѣсколько сухо. Голосъ мѣшалъ давать нужное впечатлѣніе мягкости и прекраснодушія. Отмѣчу еще красивое чтеніе стиховъ г-жей Таировой.

На привыкшаго встрѣчать въ отчетахъ московскихъ спектаклей совсѣмъ инныя имена, эти строки моего письма могутъ произвести впечатлѣніе неожиданности. Что за компанія незнакомцевъ? Это меня возвращаетъ къ тому, съ чего я началъ. Въ молодежи московской казенной труппы есть несомнѣнныя дарованія, у которыхъ богатое будущее, и цѣлый рядъ дѣльныхъ, хорошихъ работниковъ сцены. Но раньше ихъ игнорировала дирекція, не заглядывавшая въ будущее, пока неумолимый законъ времени не отнимаетъ у нашихъ премьеровъ возможность играть «молодыя» роли. Теперь имъ заботливо даютъ ходъ, даютъ возможность играть и обыгрываться, но ихъ игнорируетъ большая часть печати, а если и вспоминаетъ, то только затѣмъ чтобы посмѣяться. Думается, «Снѣгурочка» измѣнитъ это отношеніе. И въ этомъ, помимо всего другого,—отрадное значеніе спектакля, о которомъ я сегодня пишу.

Старикъ.

Великій магъ Петръ Абанось.

(Сюжетъ для фееріи Р. Гарета).

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Мы въ Венеціи, на родинѣ Шейлока и златокудрой Дездемоны!..

Духота лѣтней ночи давала себя сильно чувствовать. По небу бѣжали легкія, волокнистыя облачка, не мѣшавшія мѣсяцу обливать серебрянными лучами дворцы дождей и сенъоровъ; тысячи огней мерцали въ окнахъ и звуки музыки,

КЛЮЧИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КРИТИКИ.

Дискантовый ключъ.

(Изъ книги „Корень вещей“ Олега Доброго).

и шумъ голосовъ оглашали темныя, безшумныя водяныя улицы чудесной царицы Адриатики. Ежеминутно изъ дверей выходили пышно одѣтые молодые люди, спѣша на пристань Большого канала, гдѣ качались на якоряхъ ихъ гондолы, и ни одинъ изъ нихъ не могъ пройти, чтобы не бросить взора на стройную высокую женскую фигуру, закутанную съ ногъ до головы въ плащъ, прогуливающуюся взадъ и впередъ, и кого-то терпѣливо ожидавшую. Прекрасная маска, какъ видно, пришла на свиданіе. Гордые патриціи подходили къ перипатетику и съ изысканною вѣжливостью, обратную пропорціональной выпитому ими вину, предлагали ей руку и гондолу. Тогда таинственная маска раскрывала камзолъ и плащъ, и галантный кавалеръ съ ужасомъ отскакивалъ назадъ, и бросался въ крылатую ладью. Незнакомка показывала голый черепъ и отвратительный скелетъ. Въ концѣ концовъ, нашелся, однако, юноша. Быть можетъ, онъ болѣе молодъ, быть можетъ болѣе пьянъ, чѣмъ другіе юноши Венеціи; но быть можетъ, онъ не успѣлъ освободиться отъ чаръ призрака. Но жакъ

ни былъ онъ смѣлъ и пьянъ, изъ его груди вырвался вздохъ облегченія, когда онъ увидѣлъ, къ великому своему удивленію, вмѣсто безобразнаго остова, красиваго старика съ серебряными локонами, торопливо проговорившаго ему:

— „Идемъ, мой сынъ. Пойдемъ туда, гдѣ тебя ждетъ награда за твою храбрость. Возьми себѣ всѣ сокровища міра и печать мудрости Соломона“.

Юноша одну минуту колебался. — Нѣтъ-ли у тебя какихъ-нибудь темныхъ замысловъ? спросилъ онъ, не безъ робости, — не надо-ли мнѣ отречься отъ своего Бога? не потребуешь-ли ты, чтобы я подписалъ договоръ съ нечистой силой?

— Ты подпишешь договоръ своею кровью, отвѣтилъ старикъ.

— Быть можетъ, ты самъ нечистый духъ?

— Нѣтъ, сынъ мой, клянусь тебѣ, нѣтъ, — отвѣтилъ незнакомецъ. Я только несчастный магъ, очу-

тившійся въ страшной бѣдѣ. Я рассчитываю на одного тебя. Ты, одинъ, спасешь меня.

Юноша снова затрепеталъ и посмотрѣлъ старику прямо въ глаза; потомъ бросилъ взглядъ на его ноги и подаль ему свою руку. Тотъ схватилъ ее и стремительно увлекъ его за собою. Они шли скоро; вѣрнѣе бѣжали. Вотъ они уже миновали площадь, завернули въ узкіе переулки и подошли, наконецъ, къ высокой башнѣ безъ оконъ и дверей, безъ какого бы то ни было отверстія. Магъ сдѣлалъ какой-то жестъ рукою; и камень вышелъ изъ оковъ цемента, и открылся входъ, черезъ который они проникли. Затѣмъ камни снова сдвинулись, и они были живо замуравлены. Юноша задрожалъ, очутившись съ проводникомъ въ глубокомъ непроницаемомъ мракѣ. Но магъ снова произнесъ заклинаніе, и въ темнотѣ появилась таинственная рука съ лампой, бросающей свѣтъ на ступени, пропадавшей въ безконечности, винтообразной лѣстницы. Старикъ приказалъ юношѣ идти впередъ, и тотъ не смѣлъ противорѣчить. Мерцающей свѣтъ бросалъ черную тѣнь на лѣстницу и стѣны, и онъ казался ему злыми видѣніями ада. Каждую минуту ему грезились духи, но когда онъ оборачивался, то видѣлъ только серебряныя кудри спутника.

Они шли долго, поднимаясь вверхъ. Но вотъ они очутились у отверстия, и юноша увидѣлъ обширную прекрасную, ярко освѣщенную комнату. Комната была обита чернымъ деревомъ; вся мебель въ ней была также изъ чернаго дерева. На длинномъ столѣ стояли или лежали колбы съ расплавленнымъ металломъ, астролябія, звѣздныя карты, геомантическія фигуры и другія орудія черной магіи. Астромонтическія письмена украшали стѣны, такъ-же какъ хрустальныя гигантскія вазы, въ которыхъ копошились и корчились какія-то отвратительныя невѣдомыя существа. Магъ пригласилъ жестомъ своего спутника сѣсть, сѣлъ самъ и сказалъ:

— Смѣлый юноша, прежде чѣмъ ты сдѣлаешься властителемъ богатѣйшихъ сокровищъ міра, и могущественнѣйшимъ среди смертныхъ, узнай кто я, и почему я призвалъ тебя сюда. Не думай, что я обыкновенный хиромантъ, жалкій астрологъ или алхимикъ; я — братъ по духу великаго Мерлина и Скотта, которыми пугали тебя и твоихъ сверстниковъ съ дѣтства. Я — Петръ Абанось, про котораго врутъ, будто вотъ уже двѣсти лѣтъ, какъ онъ превратился въ пса, и лежитъ подъ курганомъ изъ камней, которыми забросала его разъяренная толпа. Неправда. Я живъ и скитаюсь до сихъ поръ по міру, благодаря договору, котораго подписалъ. Вотъ о чемъ я хочу тебѣ повѣдать. Мой сынъ, всѣ сѣти, разставленныя мнѣ врагами, не могли погубить меня; на-

КЛЮЧИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КРИТИКИ.

Басовый ключъ.

(Изъ книги „Корень вещей“ Олега Доброго).

прасно волновали они чернь, и такъ оно будетъ, пока я исполню одинъ пунктъ договора, зарегистрированнаго въ адской канцелярїи и строго мною, вотъ уже триста лѣтъ, исполняемаго. Ежегодно я долженъ доставлять властителю ада одну человѣческую душу; я берусь убѣдить ее, соблазнить властью, богатствомъ или чарами знанія и магіи, словомъ тѣмъ, что ближе всего сердцу, дабы эта душа отдалась во власть Демона. Слушай. Посмотри сюда на этотъ свитокъ! Вотъ списокъ именъ, о которыхъ я тебѣ говорю. Ты изумишься, когда увидишь, сколько лицъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ и покрытыхъ славой, находятся въ немъ. И моя проницательность ни разу не обманула меня до настоящаго года. Въ этомъ же году я былъ позорно обойденъ честнымъ обязательствомъ, принятымъ на себя однимъ юношей, соблазненнымъ меня своимъ богохульствомъ. О, глупецъ, я не обратилъ вниманія, что онъ чахоточный, и вотъ сегодня днемъ я узналъ, что его хоронятъ. Между тѣмъ сегодня же истекаетъ послѣдній день моего договора, и если я не исполню условія до полуночи,— я погибъ, и адскія силы овладѣютъ мною. Ты видишь, сынъ мой, что у меня не было времени для длинныхъ объясненій, и я рѣшилъ испытать мужество венеціанской молодежи. Ты одинъ выдержалъ испытаніе. Если ты не захочешь исполнить моего требованія, ты все равно не уйдешь отсюда живымъ. Когда явится властитель ада, чтобы взять меня, онъ растерзаетъ въ клочки и тебя. Тебѣ нечего такимъ образомъ терять, но ты можешь много выиграть. Не медли же. Время не терпигъ. Ночь летитъ. Злой врагъ близокъ. Развѣ ты не слышишь, какъ реветъ и воетъ подземная вьюга? Спаси меня. Спаси себя. Я прошу тебя, умоляю, приказываю. Спаси насъ обоихъ.

Голосъ таинственнаго мага звучалъ громовыми раскатами; его возбужденіе передавалось его собесѣднику и невольно заставляло его трепетать. Вотъ уже онъ пододвинулъ къ нему свитокъ бумаги и проколѣлъ ему кончикомъ пера руку, собравъ падающую каплями кровь на перо, и насильно всунуло ему ручку въ пальцы, заставляя подписать свое имя. При этомъ онъ произносилъ дьявольскія заклинанія, лѣпные кристаллы на стѣнахъ стали звонить и звонъ ихъ расширялся, нарасталъ и превратился въ звуки невидимаго хора. Въ комнатѣ носился аромат пряныхъ духовъ, и передъ юношей, почти потерявшимъ сознание, начала дефилировать процессія съ сокровищами. Всѣ богатства міра были выложены передъ нимъ и ему казалось, что драгоценные камни и золото подступаютъ къ нему, какъ волны, и что гора сокровищъ дойдетъ до горла и задушитъ его. Красота власти и міра блистали ему изъ устремленныхъ на него взоровъ; льстивые царедворцы сажали его на великолѣпные троны; боевые трофеи рѣяли передъ нимъ; пышно убранные столы ломились подъ тяжестью великолѣпныхъ яствъ; рыцари и сильные міра склоняли передъ нимъ колѣни, а рабы надали ницъ, и ему казалось, что легіоны духовъ дуютъ только мановенія его бровей, чтобы броситься исполнять его волю. Одно слово съ его устъ, одна, непонятная для него самого, формула,— и чешуйчатые драконы сползали съ деревьевъ, и несли ему волшебные дары. Природа-мать, при сотвореніи его, израсходовала обыкновенный матеріалъ, и онъ былъ человѣкъ съ самой скудной фантазіей во всей Венеціи, — но онъ былъ ослѣпленъ и чувствовалъ, какъ съ каждой минутой все болѣе слабѣетъ, и не въ состояніи противустоять просьбамъ, мольбамъ и угрозамъ Абаноса. Абаносъ-же повелъ его рукою и заставилъ его написать первую букву имени. Но въ это время взглядъ юноши случайно упалъ въ зеркало и онъ

увидѣлъ искаженное адскою радостью лицо мага; тогда онъ встрепенулся, какъ ужаленный и изъ рукъ его выпало перо. Онъ съ ужасомъ устремилъ взоръ на небо, ожидая оттуда знаменій, и кровь застыла въ его жилахъ, когда онъ увидѣлъ колоссальное копыто, проломавшее крышу. Это было копыто какого-то невѣдомаго гиганта, который былъ слишкомъ громаденъ, и не могъ войти въ комнату, быть можетъ, въ башню... Холодное, какъ сталь, копыто, покоилось на цоколѣ изъ слоновой кости и указывало на сердце Абаноса.

Когда взоръ Абаноса устремился по направленію взгляда юноши, онъ понялъ истину и лицо его искажилось безумнымъ страхомъ. Заклинанія замерли на

ДѢЛО ВНОВѢ.

— «Помилуйте! Такъ слѣдуетъ по шестѣ».

его устахъ; по стѣнамъ комнаты поползли отвратительные кроты, изъ угловъ стали строить гримасы зеленыя обезьяны. Онъ схватилъ, какъ клещами, руку жертвы, чтобы заставить ее дописать свое имя. Тщетно боролся юноша, вырываясь изъ желѣзныхъ тисковъ; онъ уже считалъ себя погибшимъ. Вдругъ раздался первый вѣщій ударъ колокола. Было полночь, и моментально гигантское копыто прошло черезъ крышу, и, пронзивъ Абаноса отъ груди до спины, подняло его на высоту и унесло къ облакамъ, исчезнувъ въ безпредѣльномъ мракѣ ночи. Невыразимымъ чувствомъ благодарности переполнилось сердце юноши. Но не успѣлъ онъ собраться съ мыслями, какъ пробилъ послѣдній полночный ударъ; съ шумомъ распались хрустальные вазы, и все содержимое ихъ разлилось по комнатѣ, и превратилось въ живыя ползучія вещества, набросившіяся на юношу. Они царапали его, щекотали, кусали, старались выдвинуть ему глаза, мучили, терзали. Въ отчаяніи онъ схватился за свое единственное орудіе, перо, чтобы отбиться отъ враговъ и вдругъ перо превратилось въ шипящую змѣю... Его мозгъ отказался служить ему, и онъ упалъ безъ чувствъ на полъ...

Когда онъ пришелъ въ себя, онъ лежалъ на

нарѣ въ тюрьмѣ инквизиціи. Суровые молчаливые судьи сидѣли на стульяхъ, одѣтые во все черное; слушатели безшумно двигались, и безшумно исполняли приказанія. Одинъ пробовалъ, хорошо-ли отточень ножъ сѣкиры, другой накаливалъ на огнѣ чудовищные щипцы. Стоны, вздохи и плачъ носились въ каменной могилѣ и замирали подѣ холодными сводами. Два, обнаженные по поясъ, палача были заняты тѣмъ, что выправляли застѣжки и пробовали орудія, для ломки костей и пальцевъ. Врачъ подошелъ къ нарѣ со склянкой и ланцетомъ. Юноша вскрикнулъ и снова потерялъ сознание.

Но страхъ его былъ напрасенъ. Высокая инквизиція уже прочла свитокъ Абаноса и открыла въ немъ имена королей, принцевъ, министровъ, сенаторовъ, и всякихъ высокыхъ особъ, обязанныхъ своими успѣхами и славой добрымъ услугамъ дьявола. Не стоило читать дальше. Врачъ далъ юношѣ опиумъ и бѣдный молодой человекъ пришелъ въ себя только на борту быстроходнаго судна, унесшаго его на Кипръ, на священную борьбу съ невѣрными. Тамъ, разумѣется, она была убита, и умирая, еще разъ возблагодарилъ небо за то, что устоялъ противъ искушенія мага...

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

САРАТОВЪ. 1-го сентября начала свою дѣятельность сезонная труппа. По сей день, когда я пишу, дано уже семь спектаклей, а труппа еще не успѣла выясниться. Отрекомендовались всѣ, но новыхъ артистовъ мы не узнали какъ слѣдуетъ. Труппа громадная, 59 человекъ. Харьковъ — городъ лучше, больше и театральнѣе Саратова, а тамъ г-жа Дюкова вполне обходится 42-мя персонами. У нашего М. М. Боролая давно замѣтно влеченіе къ количеству, которое само по себѣ импонируетъ...

За это время шли: «Закатъ», «Татьяна Рѣпина», «Ревизоръ», «Безъ вины виноватые», «Злая яма», «Одинокіе», «Урліалъ Аюста» (2 раза) и «Казнь». Каждая изъ этихъ вещей предназначалась для «выхода» какой-нибудь крупной силы, украшающей нашу труппу. Такихъ силъ, по мнѣнію театральной администрации, нашлось очень много. Въ виду такихъ обстоятельствъ, требовать ансамбля въ спектакляхъ пока не приходится. И въ виду тѣхъ же обстоятельствъ я ограничусь лишь краткимъ сообщеніемъ о главныхъ артистахъ, заявившихъ себя съ той или съ другой стороны. Самое выгодное впечатлѣніе изъ новыхъ для насъ артистовъ произвела г-жа Миронова, grande-coquette съ легкимъ драматизмомъ. Она имѣла полный успѣхъ въ «Закатѣ», въ Натальѣ Кириловнѣ. Артистка играетъ просто, непринужденно и, такъ сказать, съ тонкими нюансами. Отличная сценическая внѣшность дополняетъ приятное впечатлѣніе, даваемое умнымъ, изящнымъ исполненіемъ роли. Дальнѣйшее покажетъ, насколько устойчиво первое впечатлѣніе. Положение grande dame заняла г-жа Понизовская, довольно извѣстная въ качествѣ «героини». Она сыграла капризную и пустую барыню въ «Злой ямѣ», Кокошкину въ «Татьянѣ Рѣпиной», городничиху въ «Ревизорѣ». Судя по этимъ спектаклямъ, г-жа Понизовская выдающагося положенія не займетъ. Если угадаю, все это было сносно и удовлетворительно, но... зачѣмъ такъ много мимики, столько безпокойства въ лицѣ и въ жестахъ?.. Въ г-жѣ Муромской мнѣ, кажется, приобрѣли хорошую комическую энженю, играющую сдержанно, мило. Такъ сыграна дочка городничаго въ «Ревизорѣ» и двѣ-три водевильныя роли. Нельзя повторить этотъ отзывъ о г-жѣ Карпенко, о нашей новой комической старухѣ. Артистка страдаетъ склонностью къ утрировкѣ. Пешлепкина и Валунова въ «Закатѣ» серьезно попорчены ненужными внѣшне-комическими эффектами. Новая героиня,

г-жа Строева-Сокольская, играла у насъ раньше; съ тѣхъ поръ перемѣнъ незамѣтно. Безъ сомнѣнія, это весьма полезная артистка, одаренная темпераментомъ и подходящей внѣшностью; но, во-первыхъ, темпераментъ не очень глубока и, во-вторыхъ, онъ подавляется работой, нѣсколько заученными приемами. Въ мужскомъ персоналѣ изъ новыхъ на первомъ планѣ стоятъ братья Адельгеймы, но объ нихъ—до другого раза, потому что въ моемъ мнѣніи не укладывается ихъ игра и предшествовавшая ей извѣстность, да еще какъ гастролеровъ. Посмотримъ дальше... Съ отличнымъ успѣхомъ выступилъ харьковскій комикъ г. Наумовскій въ Стремгловѣ («За-катъ») и нѣсколько слабѣе въ гоголевскомъ Осипѣ. Изъ другихъ «новичковъ» придется чаще встрѣчаться съ «любовникомъ» Шумовымъ и «простакомъ» г. Кригеромъ; оба на своихъ мѣстахъ, вѣроятно, ничего не испортятъ. Болѣе видное положеніе долженъ занять г. Судьбининъ, актеръ дѣльный и серьезный, съ необходимой для любовника дозой страстности. Это—первое впечатлѣніе о новыхъ силахъ, которое провѣрится ближайшимъ будущимъ. Въ труппѣ находятся старые знакомые—г-жи Шебуева, Агарева, Терехова, Миличъ, Петица, гг. Неждановъ, Мих.-Дольскій и др. Первые спектакли, собственно, посвящены встрѣчѣ старыхъ знакомыхъ и знакомству съ новыми. Приемъ оказанъ хорошей, а какъ пойдетъ дальше—увидимъ.

Постоянный.

Спектакли съ участіемъ гг. гастролеровъ въ нашемъ народномъ театрѣ продолжаются. Совѣтомъ народного театра недавно было командировано въ Москву особое лицо, членъ Совѣта г. Зильберманъ, специально съ цѣлью пригласить на гастроли нѣкоторыхъ артистовъ московскаго Малаго театра. Какъ теперь уже выяснилось, на конецъ сентября и октябрь мѣсяцы въ народномъ театрѣ намѣчены гастроли артистокъ—Н. Д. Рыбчинской, Е. Н. Горевой и А. А. Яблочкиной. Съ одной стороны, конечно, приятно созерцать, какъ благодаря, на примѣръ, участію въ спектакляхъ г. Каширина, сборы народного театра поднялись. Но съ другой—невольно подумаетъ: а вдругъ всѣ эти гастроли для труппы народного театра въ будущемъ явятся чѣмъ либо роковымъ. Послѣ г. Каширина въ роли Коррадо будетъ ли переваримъ въ этой роли г. Гаринъ, или въ роли князя Мышкина замѣстителъ Михайловича-Дольскаго артистъ г. Борецкій.

Е. П. Шебуева сыграла въ народномъ театрѣ три спектакля. Съ ея участіемъ шли пьесы: «Злая яма», «Предразсудки» Чайковскаго и «Степной богатырь», драма И. А. Салова. Въ послѣдней пьесѣ, принадлежащей перу автора нашего же саратовца, въ тонко отдѣланной роли Глафиры Петровны г-жа Шебуева всегда имѣетъ крупный успѣхъ у публики.

Съ г. Каширинымъ въ народномъ театрѣ шли пьесы: «Семья преступника», «Женитьба Бѣлугина», «Цѣна жизни», «Дядя Ваня», «Власть тьмы», «Волки и овцы», «Горькая судьбина» и «Новое дѣло». «Гвоздь» игры г. Каширина—это его отличная мимика, полная естественность въ жестахъ, движеніяхъ. Но дарованіе, конечно, дарованіемъ, а г. Каширину приходится считаться съ крупнымъ дефектомъ чисто физическаго свойства. У артиста—глухой, отрывистый голосъ. «Джентльменъ» шелъ въ бенефисъ г. Каширина, 1 сентября. Пьеса, не смотря на постановку въ первый разъ, была разграна труппой, за малымъ исключеніемъ, въ довольно вѣрномъ тонѣ. Бенефициантъ въ Рыдловѣ очень колоритенъ. Хороши были гг. Поликарповъ—Чечкинъ и Марковскій—Горѣвъ. Въ Остергаузенѣ довольно типиченъ г. Гаринъ, приличны гг. Бернатовичъ и Брониславскій и могъ быть лучше въ роли Остужена г. Борецкій. Это мужской персоналъ. Женскій былъ слабѣе. Г-жа Муратова въ роли Кэтъ не удовлетворяетъ замыслу автора. Эта роль артисткѣ не по характеру, также какъ не по характеру другой артисткѣ, г-жѣ Генбачевой, роль Эммы Леопольдовны. Обѣ сыграли роли блѣдново. У г-жи Кириловой удивительная манера играть всѣхъ старухъ по одному шаблону. Г-жѣ Ромаскевичъ мѣшаетъ неясность дикціи. Г-жа Бѣловерская была вполне на своемъ мѣстѣ въ роли Уильксъ. Г. Каширина при появлении осыпали живыми цвѣтами и поднесли вѣнокъ и подарокъ.

11 и 17 августа въ двухъ пьесахъ—«Въ старые годы» (Чириковъ) и «Прахомъ пошло» (Алдошка) проѣздомъ выступилъ комикъ г. Баскаковъ. Хотя въ оба раза сборы были небольшіе, но публика, по старой памяти, встрѣтила артиста радушно, какъ своего прежняго знакомаго.

Дѣлаю маленькую поправку къ прошлой корреспонденціи: «Царя Ѳедора» хотѣлъ ставить не г. Орленевъ, а предполагали сыграть въ народномъ театрѣ съ участіемъ г. Михайловича-Дольскаго. Разрѣшеніе на постановку, однако, получено не было.

И-то.

КАЗАНЬ. Въ Казани въ этомъ году настоящаго лѣта почти не было—по большей части шли дожди и стояли сильныя холода... Закрывались сады, «облетѣли цвѣты» и «догорѣли огни» лѣтнихъ театровъ и цирковъ. Впрочемъ, циркъ бр. Никитиныхъ еще даетъ свои «послѣднія» представленія. — По части лѣтнихъ увеселеній минувшее лѣто обѣдало бы богатымъ и интереснымъ, но свелось «почти на нѣтъ»... Должны

были дѣйствовать и даже дѣйствовали два лѣтнихъ театра— въ садахъ Панаева и «Эрмитажъ»; было два цирка — «Семейство Сурь» и «Бр. Никитинныхъ». Подвизались двѣ малороссійскія труппы; прѣѣзжала «опера» и «театръ фарсъ», взглянуть къ намъ г. Орленевъ...

А между тѣмъ — почти нечего сказать, не о чемъ говорить!.. Скучала публика въ театрѣ «фарсъ»; плохо шли дѣла «малороссовъ»; почти прогорѣлъ «Циркъ Сурь»; г. Орленевъ не слѣлалъ полныхъ сборовъ въ два своихъ спектакля... Объ открытыхъ сценахъ и говорить не стоить... Предстоящій театральнй сезонъ— послѣдній для товарищества Бородай— срокъ аренды имъ нашего театра заканчивается. Г. Бородай подалъ уже заявленіе о сдачѣ ему театра и на будущее время, на прежнихъ условіяхъ, т. е. безплатно и съ предоставленіемъ ему сбора съ вѣшалокъ и буфета (что составляетъ доходъ въ 7—8 тысячъ р. въ годъ!). Но поступили заявленія и отъ другихъ предпринимателей, какъ напр. Салтыкова—о желаніи снять театръ также съ обязательствомъ держать драму и оперу, причемъ Салтыковъ отказывается отъ дохода съ буфета и вѣшалокъ. Кромѣ городского театра—въ наступающемъ «зимнемъ» сезонѣ—будетъ дѣйствовать въ Казани «фабричный театръ Алафузовыхъ»; затѣмъ устраивается сцена въ залѣ дворянскаго собранія—для любительскихъ спектаклей, которыми будетъ руководить старшій совѣтникъ казанскаго губернскаго правленія Н. Н. Михайловъ; наконецъ будетъ давать спектакли и «Казанское Общество любителей изящныхъ искусствъ», только вопросъ—гдѣ?.. Въ минувшій сезонъ, — 1899—1900 г., оно устраивало только «литературно-музыкальные вечера и концерты» — въ помѣщеніи Купеческаго клуба, но сцены тамъ устроить нельзя.

Предполагались спектакли въ клубѣ «канцеляристовъ», но клубъ этотъ пока существуетъ только «на бумагѣ». Идетъ рѣчь, что «изящное общество» будетъ устраивать спектакли въ далеко не изящномъ—«ремесленномъ собраніи». Мы не сомнѣваемся, что дѣло устроится спектаклей отъ Общества въ ремесленномъ собраніи вызоветъ нареканія; уже и теперь они слышатся: «Неприлично». Не знаемъ, что тутъ неприлично?.. Вѣдь отъ Общества будетъ зависеть, какъ поставить дѣло. Думаемъ, напротивъ, что Общество постановкою «народныхъ» спектаклей, доступныхъ главному континенту Ремесленнаго клуба, сослужитъ полезную службу. Вернемся, однако, къ лѣтописи театральнаго дѣла въ Казани. Послѣ отъѣзда труппы г. Викторова—закрытый театръ Панаевскаго сада почти бездѣйствовалъ устраивались только случайные спектакли.

Г. Орленевъ далъ два спектакля 13 и 14 іюля. Скажемъ коротко, что цѣльнаго, художественно-законченнаго образа г. Орленевъ намъ не показалъ, но что моментами онъ достигалъ извѣстной «вершины». Цѣлостный образъ создалъ г. Яковлевъ, въ роли Порфирія Петровича. Изъ другихъ исполнителей,—упомянемъ о г-жѣ Погодиной, неровно, но мѣстами недурно игравшей роль Сони.

Въ самомъ концѣ іюня, на открытой сценѣ Панаевскаго сада начала подвизаться балерина Софія Пти, со своимъ «случникомъ» или «партнеромъ», какъ его называли афиши,—М-г Мишель.

Съ 8 Іюля, въ Панаевскомъ саду пристроили циркъ Сурь. Дѣла его шли довольно слабо.

Въ саду «Эрмитажъ», — послѣ спектаклей жалкой труппы «русскихъ драматическихъ артистовъ», подлѣ управленіемъ какого-то г. Владимірова, начало подвизаться «Товарищество русско-малороссійскихъ артистовъ», подлѣ управленіемъ Ванченко. Особого успѣха «товарищество» не имѣло. Ну, а дальше пошла полная безурядица.

Садъ «Эрмитажъ», кажется, болѣе всего прославился представленіями въ камерахъ мировыхъ судей, т. к. его содержатель не рассчитывался добровольно почти ни съ кѣмъ—ни съ «артистами», ни съ прислужкой; происходили и разные дебоши въ саду, что также вызвало судебныя разбирательства...

Большой недостатокъ Казани — это отсутствіе хорошаго оркестра. Казань пробавляется оркестрами мѣстныхъ баталіоновъ, а они далеко не достаточны. Едва-ли не лучший оркестръ — это Котельничскаго баталіона, управляемый музыкально-образованнымъ капельмейстеромъ г. Броммакъ, но оркестръ этотъ небольшой— всего въ 40 человекъ.

Н. О. Юшковъ.

КОВНО. Къ 1 сентября закончились спектакли «Кіевскаго товарищества», игравшаго на открытой сценѣ «Петровскаго парка» подлѣ управленіемъ г. Минаева-Мирскаго. Сборы труппы были весьма слабы, настолько слабы, что она перекочевала въ городской садъ, гдѣ также имѣется открытая сцена. Однако, это мало помогло ей. Тѣмъ не менѣе труппа не распалась и стоически перенесла всѣ невзгоды... За весь сезонъ выбыла только одна артистка г-жа Миловидова, промѣнявшая храмъ Мельпомены, на храмъ Бахуса... За буфетною стойкою ресторана «Бель-вю» заняла она соотвѣтствующее «амплуа»... Радуюсь за нее и скорблю за искусство. Говорите послѣ этого

о союзѣ сценическихъ дѣятелей! По мудрому рѣшенію московскаго собранія, буфетную артистку слѣдуетъ принять безъ баллотировки. При труппѣ можно отмѣтить г. Минаева-Мирскаго, Соколова и Людовигова иг-жѣ Лелеву и Побѣдову. Они имѣли успѣхъ, въ особенности г. Минаевъ-Мирскій, показавшій себя и даровитымъ комикомъ, и опытнымъ режиссеромъ. Г. Соколову и Людовигову много вредило нетвердое знаніе ролей. Стыдно, въ особенности г. Людовигову. Онъ— молодой артистъ, съ нѣкоторой искрой. Остальной составъ труппы былъ слабо вать.

Г. Аркановымъ, антрепренеромъ, снявшимъ на предстоящій зимній сезонъ оба наши театра (городской и народный), по словамъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, уже сформирована труппа для обоихъ театровъ. Въ составъ ея войдутъ: В. Н. Бартенева (ingénue dram. и com.) М., Н. Морева (grande-soq. драм. рол.), М. А. Днѣпровская (водевильная съ пѣніемъ), С. Л. Ларина (ingénue), К. В. Стружина (комич. и драм. старуха), О. А. Иволгина (grande-dame), В. А. Сельская (2-я ingénue), Д. П. Громова, Е. В. Жданова, Е. Л. Рокшекина, А. Н. Овальская и А. Д. Зорина.

Героини пока не имѣются: съ нею антреприза ведетъ еще переговоры. Мужской персоналъ: И. Л. Аркановъ (драмат. любовн. и герой), В. В. Чарскій (быв. артистъ Императорскихъ театровъ), А. И. Громовъ (комикъ, резонеръ и характерныя роли), Н. А. Арсеньевъ (комикъ-буффъ), Д. И. Поляковъ (любовникъ и комикъ), А. И. Похичевичъ (простакъ и водевиль съ пѣніемъ), Г. П. Эрастовъ (2-й любовникъ и фатъ), А. А. Яновскій (2-й резонеръ), Э. А. Свѣтловскій (2-й комикъ), А. В. Камковъ (2-й комикъ-резонеръ), М. К. Чернышевъ (2-й простакъ), гг. Любовь, Николаевъ, Волковъ, Гусевъ, Барновъ и Махначевъ (2-я и 3-я роли), режиссеръ—А. И. Громовъ, его помощники—Н. П. Гусевъ и Н. И. Протопоповъ, декораторы—А. И. Похичевичъ и Н. И. Николаевъ, суфлеры—П. А. Строевъ Ф. И. Марченко.

Въ теченіи сезона будутъ поставлены, между прочими, слѣдующія пьесы, еще не шедшія на Ковенскихъ сценахъ: «Осужденные», «Чайка», «Закатъ», «Графъ де-Ризооръ», «Одинокіе», «Спиритизмъ», «Девятый валъ», «Заза», «По гривенничку за рубль», «Невинно-осужденный», «Кардиналъ Ришелье», «Блестящая карьера» и друг.; трагедія графа А. Толстого: «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ»; фееріи: «Гибель фрегата Медузы», «Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней», «Кораблекрушители», «Лѣсной бродяга», «Дѣти капитана Гранта» и др. Будутъ также поставлены многія сенсационныя новинки—фарсы, имѣвшія успѣхъ на сценахъ Петербургскаго и Московскаго театровъ «Фарсъ». Труппа съѣдется въ Ковну къ 10 сентября, а съ 14 начнетъ репетиціи. Въ настоящемъ сезонѣ городской театръ предполагается освѣщать электричествомъ. Въ обоихъ театрахъ будутъ играть оркестры 110 пѣх. Каменскаго полка: струнный и духовой, подлѣ управленіемъ капельмейстера г. Борознина. Это весьма отрадное обстоятельство, такъ какъ оркестръ, игравшій въ городскомъ театрѣ въ прошломъ году, былъ ниже самой снисходительной критики, на что въ свое время мѣстная газета и обращала вниманіе антрепризы.

Н. М.—въ.

СЕВАСТОПОЛЬ. Въ нашемъ городскомъ театрѣ произведенъ былъ въ этомъ году капитальный ремонтъ и переустроены электрическіе провода. Не говоря уже о прекращеніи свѣтовыхъ эффектахъ, электрическимъ освѣщеніемъ пользуются всѣ помѣщенія театра, не исключая даже общихъ уборныхъ, находящихся въ подвальномъ этажѣ. Всѣмъ этимъ улучшеніямъ театръ обязанъ члену управы И. А. Трещину, который съ большою любовью завѣдуетъ этимъ дѣломъ.

Лѣтній сезонъ въ нашемъ театрѣ былъ открытъ съ 10 апрѣля спектаклями Московскаго художественнаго театра. Спектакли дали полные сборы (1000 р. каждый).

Съ 16 апрѣля по 29 мая подвизалось въ нашемъ театрѣ товарищество драматическихъ артистовъ подлѣ управленіемъ А. Г. Аярова, при участіи М. А. Юрьевой и А. П. Смирнова. Ставились нѣкоторыя новыя пьесы: «Идіотъ», «Накипь» и др., но ни особеннаго успѣха, ни большихъ сборовъ—не замѣчалось.

Затѣмъ наступила очередь опереточныхъ труппъ. Раньше всѣхъ явилась къ намъ на четыре спектакля Вѣнская оперетка, слѣлавшая хорошіе сборы. Затѣмъ, съ 9 августа по 1 сентября, поставленъ былъ цѣлый рядъ спектаклей опереточной труппы подлѣ управленіемъ С. Н. Новикова. Больше всего дала «Гейша», поставленная четыре раза при полныхъ сборахъ (1000 р. каждый).

ВИЛЬНА. Съ нынѣшняго сезона частная антреприза въ Вильнѣ отмѣнена. На ея развалинахъ выросла новая система эксплуатаціи театральнаго дѣла—система «дирекціи». На сколько система дирекціи, взявшей подлѣ своею опеку театральное искусство и артистовъ, болѣе вѣлесообразна и благотворна, чѣмъ частная антреприза, покажетъ намъ предстоящій сезонъ. Недавно утвержденная, дирекція успѣла уже проявить свою дѣятельность въ томъ что при содѣйствіи «подлежавшихъ властей» впредь до производства капитальнаго ремонта закрыла театр-манежъ, въ которомъ ставились спектакли попечительствомъ о народной трезвости. Дирекція предполагаетъ закрытіе народнаго театра (манежъ) восполнить общедоступными, народными и бесплатными (для учащихъ и военныхъ) спек-

такими въ старомъ городскомъ театрѣ. Кромѣ того, слѣдано уже постановленіе о запрещеніи продавать въ буфетѣ городского театра какіе бы не было спиртные напитки.

Сезонъ предполагается открыть 20-го сентября въ новомъ театрѣ г. Смаженевича; bis dahin намъ остается надѣяться на то, что широкая программа, намѣченная дирекціей, будетъ выполнена и что новая система, обѣщающая много хорошаго, не окажется рутинной...

ВЛАДИМИРЪ губ. Совершилось давно ожидаемое паденіе нашего Драматическаго Общества. 13-й годъ существованія оказался для Общества роковымъ и оно его не пережило. Прекращеніе дѣятельности Общества не явилось неожиданнымъ: дѣло шло къ тому, о чемъ не разъ и упоминалось на страницахъ нашего журнала, неумѣлое веденіе дѣла замѣстителями незабвеннаго Н. А. Цвѣткова лишь ускорило развязку. Нельзя не пожалѣть, что Общество, въ теченіи 9 лѣтъ давнишнее вѣрный заработокъ актерамъ; давнее нашей публикѣ возможность видѣть у себя на сценѣ такихъ актеровъ какъ Ю. В. Висильева, З. В. Холмская, Н. Д. Красовъ, С. С. Росатовъ, М. М. Тамарина, І. Фроловскій и друг.; выпустившее изъ своихъ рядовъ исполнителей Е. П. Островскую, Н. А. Александровича, прекратило свою дѣятельность.

На предстоящій сезонъ театръ снялъ В. Ф. Бурлаковъ, прослужившій почти непрерывно 10 лѣтъ на нашей сценѣ и съумѣвшій сохранить за собой симпатіи публики. За дѣло В. Ф. Бурлаковъ принялся очень горячо и повидимому хочетъ поднять упавшее у насъ въ послѣдніе годы театральное дѣло: труппа составлена довольно полно, театръ ремонтируется.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О ВЪ Я В Д Е Н І Я .

ЭД. КОЛОННЪ ОБЪ ЭОЛАНЪ:

«Я очарованъ Эоланомъ. Онъ, мнѣ кажется, долженъ обратить на себя вниманіе всего музыкальнаго міра и, по моему мнѣнію, произведетъ всеобщій успѣхъ».

ЭОЛАНЪ—новый инструментъ, устраняющій работу пальцевъ играющаго. Нюансировка темпа и силы звука и инструментовка остаются въ полномъ распоряженіи играющаго, которому предоставляется, только выдвигая регистры, пользоваться всѣми этими музыкальными эффектами.

ЭОЛАНЫ имѣются въ 225, 300, 400, 500, 600, 700, 900, 1.200 и 1.500 р. Ноты къ нимъ въ громадномъ выборѣ отъ 1 р. 50 к. и дороже. Подробное описаніе безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ: В. Морская, № 34. Москва: Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.
№ 2311. 52—3.

РЕПЕРТУАРЪ

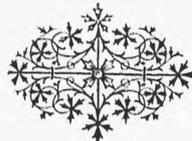
Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,

съ 18-го по 25-е сентября 1900 года.

Александринскій театръ. 18-го сентября: «Безприданница». 19-го сентября: «Честь». 20-го сентября: «Послѣдняя жертва». 21-го сентября: «Татьяна Рѣпина». 22-го сентября: «Борцы». 24-го сентября: «Бѣдная пѣвѣста».

Михайловскій театръ. 18-го сентября: «Идиотъ». 19-го сентября: «La joie fait peur», «Clara Soleil». 20-го сентября: «Плоды просвѣщенія». 21-го сентября: «La joie fait peur», «Clara Soleil». 22-го сентября: «Исторія одного увлеченія». 23-го сентября: «Les fourberies de Nérine», «Une chaîne». 24-го сентября: «Les fourberies de Nérine», «Une chaîne».

Маринскій театръ. 18-го сентября: «Мефистофель». 19-го сентября: «Иоаннъ Лейденскій». 20-го сентября: «Пиковая дама». 21-го сентября: «Иоаннъ Лейденскій». 22-го сентября: «Мефистофель». 24-го сентября: дебютъ г-жи Лины Камнана: «Царь Капдавлъ».

Б. М. СОЛОВЬЕВЪ.

Съ Сентября мѣсяца возобновляетъ уроки пѣнія по методу французской школы (Bonheur, Boyer, Jourdain), въ связи съ общимъ музыкальнымъ развитіемъ. Исправленіе испорченныхъ голосовъ—тремололирующихъ и утратившихъ звучность.

Пріемъ ежедневно отъ 11 — 12 ч.
Басковъ пер., д. № 21, кв. 1.

НОВАЯ КНИГА.

„ВЕСЕЛЫЕ ВЕЧЕРА“.

Сам. полный сборн. остроумныхъ куплетовъ. Репертуаръ популярныхъ куплетистовъ: Арбушина, Влюмонгаль-Тамарина, Врискаго, Вураковскаго, Каменискаго, Леонидова-Луянова, Пальма, Шенченко и др. Съ портрет. исполнителей подъ редакціей М. В. Лентовскаго и С. А. Пальма.

Ц. 1 рубль.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.

НОВАЯ КНИГА:

„Слутникъ артиста“.

(Репертуаръ любимцевъ публики).

Художественный матеріалъ для декламаторовъ, чтецовъ, пѣвцовъ и пр. концертныхъ исполнителей, подъ редакціей извѣстныхъ артистовъ: В. П. Далматова—драмат. стихотворенія для чтецовъ; Е. Н. Горева—драмат. стих. для чтиць; І. В. Тартаковъ—романсы; Н. А. Варламовъ—юморист. стих.; С. Н. Ленин—риемоваящія шутки; С. А. Пальма—куплеты; І. Д. Рутновскій—шуточныя пѣсни; А. Ф. Манаровъ-Юневъ—народные мотивы. Съ портретами и приложеніемъ компетентныхъ указаній „Объ искусствѣ чтенія“.

Продается въ конторѣ ред. „Театръ и Искусство“.

Цѣна 1 руб.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

„ЛЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5. Существ. съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

№ 2304. 5—12.